

Сердце полемарха

Автор:

Айлин Лин

Сердце полемарха

Айлин Лин

Врачи спасут мир!

Военный врач погибла на службе и волею неизвестных Высших сил попала в другой мир. Иная Древняя Греция оказалась не менее суровой и жестокой, чем была в земной истории. Тело, доставшееся нашей современнице, слабо, но новый дух силён и способен преодолеть все хитросплетения и удары судьбы. Врач по призванию и воин по сути – Аглая Арис получит сердце полемарха!

Книга первая.

Айлин Лин

Сердце полемарха

Пролог

– Мааам, ну не начинай! Уже столько лет прошло, а ты всё никак не можешь успокоиться! Погоди-ка! – воскликнула я и ненадолго замерла, поведя плечом, всё же мыть посуду и одновременно говорить по сотовому – очень неудобно, приходится изворачиваться, чтобы и телефон не упал в воду, и мокрая мыльная тарелка не соскользнула в раковину к своим товаркам.

– Дорогая, – раздался в ответ мамин голос, – сколько бы времени ни прошло, я всегда буду против твоей работы! Заметь, не против профессии, а именно места, где ты трудишься! – в трубке слышались звуки, матушка явно прихлебнула чай и откусила печеньку. – Несмотря на романтический ореол, который придают выбранной тобою профессии, всё же считаю, что военврач – это весьма непросто. А вдруг война, – снова-заново! Я закатила глаза и попросила у высших сил, если они есть, капельку терпения.

– Я, конечно, понимаю, что сейчас мирное время и твои задачи сводятся, как ты сама не раз мне говорила, к простому: обеспечение соответствующих подразделений армии необходимыми препаратами и проведение профилактической работы. Но жизнь – непредсказуемая вещь, доченька, и, пока не поздно, увольняйся оттуда! К тому же... – мама оседлала любимую тему и её было не остановить.

Я тихо вздохнула, стянула со спинки стула полотенце, тщательно вытерла руки, взяла трубку в ладонь, нажала на громкоговоритель и тут же голос родительницы разнёсся по всему помещению:

– ...меня утомило, что моя единственная дочь вынуждена жить в казармах! – железный аргумент против выбранной мною профессии, наконец-то, прозвучал! Сейчас пустит слезу и...

– ... а внуки?! – всхлип, – как же так?! Я так никогда их не увижу!

– Мама, у тебя их уже трое, нянчись сколько хочешь, – сдерживаясь, чтобы в голосе не прозвучало раздражение, я подошла к окну и посмотрела во двор, где вовсю маршировали солдаты, – я не живу в казарме, полной неотёсанных мужиков, как ты говоришь. Мне всегда выделяют отдельную квартирку...

– Мам, ко мне кто-то пришёл, – сказала я, беря трубку в руки, – позже поговорим.

– Хорошо, – вздохнула она, – береги себя, дорогая, и не ввязывайся в сомнительные авантюры, прошу тебя.

– Я тебя услышала, мама, мне пора. Пока! – скороговоркой сказала я, завершая разговор.

Быстро подойдя к двери, отомкнула задвижку и столкнулась взглядом со своим начальником. Майор Илья Стольник собственной персоной.

– Аглая Сергеевна, – обратился он ко мне и как-то заискивающе улыбнулся, – можно войти? У меня есть к вам деловое предложение.

Я скинула цепочку с двери и жестом пригласила его внутрь.

– Проходите, товарищ майор.

– Здесь, – стукнул он папкой о стол, – контракт на месяц службы в горячей точке. Оплата очень, ну просто очень, большая. Вы там нужны, Аглая. Тамошний хирург попросился в срочный отпуск по семейным, у него родился сын. И все остальные уже отказались, иначе к вам с таким предложением я бы не пришёл.

– Я согласна, товарищ майор, – слова вырвались быстрее, чем я поняла, что говорю, словно кто-то толкнул и они сами произнеслись.

Майор давно ушёл, а я сидела неподвижно за столом и смотрела на последнюю страницу контракта, где стояла моя размашистая подпись. Назад пути не было. И только сейчас меня озарило, о чём именно просила мама перед тем, как положить трубку: «не ввязывайся в сомнительные авантюры».

Милая мама, прости, но дочка у тебя безответственная! Вздохнув, встала, включила свет – всё же сидеть в темноте мало приятного и отправилась в малюсенькую кухню, нужно закончить уборку и отправляться спать.

Завтрашний день, что же ты мне принесёшь?

Экспериментальный отдел параллельных реальностей

– Душа нужна, сильная, смелая, способная любить беззаветно! У тебя, случайно, нет такой и свободной? – размытая светящаяся фигура плавно подплыла к другой, замершей около большого светлого экрана, на котором, словно кино, мелькали фантастические сюжеты.

- Пока нет, - протянул Второй, - но, возможно, скоро появится.

- Как долго ждать? Там мне мир выдали, просто мрак. Бесконечные войны, рабство, грабёж! - возмущённо воскликнул Первый.

- Чего орёшь? У нас все миры такие! - осадил его Второй. Замечание было справедливым и Первый раздражённо хмыкнул, но промолчал. - А что за мир такой? - вспыхнул любопытством Второй.

- Не скажу! - злорадно ответил Первый и сделал вид, что собирается уйти на своё рабочее место.

- Да погоди ты! - остановил его Второй, подлетая ближе, - мы стали совсем как люди, за которыми присматриваем уже миллионы лет, не находишь?

- Нахожу, в нас появилось больше эмоций: мы можем быть резки в общении с себе подобными, или же, наоборот, слишком мягки, и ещё куча разных чувств, - тут же ответил его давний коллега и добрый товарищ, - столько этих душ повидали, что и не счесть, и их влияние на нас закономерно!

- Даа, - протянул Второй и оба помолчали.

- Мир Нюкты и Эреба, - загадочно понизив голос, всё же признался Первый, - планета Тейя.

- Ооо, - в тон ему ответил чуть сильнее засветившийся товарищ, - это может быть очень интересно!

Глава 1

Мне дали два свободных дня, чтобы я успела собраться и попрощаться с родными.

С мамой мы встретились, как и договаривались в новом торговом центре.

– Милая! – матушка стояла около красиво оформленного фонтанчика, и махала мне рукой. Я улыбнулась и поспешила навстречу родительнице.

– Привет, мам! – обняла её покрепче, да так, что Галина Николаевна от неожиданности охнула.

– Аглая, ты что! Задушишь! – рассмеялась она. – Что-то случилось?

Взяв меня за плечи и чуть отодвинув, заглянула в глаза.

– Ничего непоправимого, мама, – покачала я головой, – давай я тебе всё расскажу за чашечкой горячего кофе? – предложила я, зная, что она не откажется.

Мама подозрительно сощурилась, но промолчала и кивнула:

– Ну, пойдём, попьём!

И мы пошли. Рестораны и кафешки находились в другом конце огромного торгового комплекса, нам пришлось пересечь половину первого этажа, чтобы добраться до эскалатора, потому что около лифта было не протолкнуться.

– Как на работе? – спросила мама, – всё хорошо?

– Да, – а в душе вся съёжилась, признаваться в сумасбродности совершённого поступка не хотелось категорически. Я всё ещё не решила говорить ли правду или солгать? Моя мама из той породы людей, что за словом в карман не полезет и может устроить мне разнос по полной, не глядя на присутствие посторонних в помещении. Может, зря позвала её в кафе и стоило всё рассказать дома?

Мама переключилась с меня на себя и поделилась новостями о братьях и их детях, о последнем прочитанном ею романе, про какую-то очередную попаданку в другой мир, где она участвовала в отборе невест для принца-дракона, о соседке и её новом ухажёре...

– Мама, – обратилась я к ней, когда принесли наш заказ, – прошу тебя не кричать и не устраивать истерик. Если пообещаешь этого не делать, то я всё тебе расскажу.

Мама молчала, а потом как-то тяжело вздохнула и кивнула.

– Не буду. Говори.

И я всё рассказала: и о контракте на месяц, и о месте пребывания.

– Таак, – набрав побольше воздуха и медленно выдохнув, мама повторила, – таак...

Я следила за выражением её лица и видела, как сложно ей сдерживаться.

– Пообещай кое-что, – в итоге, спустя пять минут тишины, выдала мама, – как только ты вернёшься домой – сразу же уволишься из своей армии и заживёшь обычной жизнью и даже начнёшь с кем-нибудь встречаться! – на последнем слове мама всё же не сдержалась и повысила голос. Люди начали оборачиваться и перешёптываться.

– Хорошо, – спокойно согласилась я, а матушка, уже собравшаяся продолжить меня убеждать, чуть не поперхнулась, – я согласна.

– Вот так просто? – ошарашенно спросила она, сдувшись.

– Да, мама, – кивнула я.

Мы ещё посидели, обсудили мою предстоящую командировку и куда потратим внушительную сумму, обозначенную в контракте.

– Я предлагаю на эти деньги купить домик где-нибудь поближе к морю, – сказала я и мама согласно кивнула.

– Да, всегда хотела жить у синего-синего моря! Моя самая заветная мечта, после иномирного принца, конечно, – добавила она и мы весело рассмеялись.

А дальше пришёл черёд активного шопинга, и мы проторчали в центре до позднего вечера. Я люблю это дело, несмотря на спокойный характер и рассудительность. Мир вещей и аксессуаров всегда казался мне таинственным и увлекательным. В нём можно было забыть и перезагрузиться. Быть собой, выбирать то, что по-настоящему тебе нравится. Возможно, что-то из этого я никогда не надену, но ведь не это главное, не так ли?

Ночевала я у мамы; сначала всё ещё раз перемерили, покрутились перед зеркалом, даже обменялись некоторыми вещами, затем гоняли чай до трёх утра и разговоры разговаривали. Было такое ощущение, что я уезжаю не на месяц, а на всю жизнь, но мы обе старались не обращать внимания на чувство тоски и безысходности, витавшее по уютной кухне.

- Мама, - решила я, - если что-то пойдёт не так...

- Не хочу это слушать! - тут же перебила она меня, - что должно пойти не так?! Написано же в контракте: ты будешь прикреплена к военной базе, куда враги не суются, там лазарет, где лежат раненые. В общем, - махнула она рукой, - никаких "если"! Даже слушать не хочу!

На том и разошлись по комнатам.

Мне не спалось: крутилась, вертелась. Встала, включила настольную лампу и принялась писать письмо маме. Мне хотелось на всякий случай оставить ей небольшое сообщение. В итоге уснула я вполне успокоенная. А проснулась ближе к обеду, и всё из-за аппетитных запахов, доносившихся из кухни.

Битву с желудком проиграла практически мгновенно. Под звуки голодных рыков встала и пошаркала в ванную.

- Доброе утро, доченька! - улыбнулась мама, заметив меня на пороге кухни, - давай, садись. Уже обед, нужно плотно перекусить перед дорогой.

Спорить не стала, плюхнулась на стул и потянулась загребущей рукой к горячим блинам.

Пообедали, поговорили о маминной работе, о погоде на ближайшую неделю, обо всём на свете, стараясь не касаться темы моего скорого отъезда.

У дверей такси мама обняла меня на прощание и шепнула:

– Береги себя и всегда старайся поступать, по совести, дочка! Люблю тебя, моя дорогая!

– И я тебя люблю, мамочка! Всё будет хорошо, поверь мне и не переживай!..

Перелёт на новое место работы прошёл в полном комфорте. Меня встретили в аэропорту и с ветерком довели до военной базы. Огороженная насыпным забором, база представляла собой смесь палаток и кирпичных одноэтажных сильно вытянутых в длину домиков.

Навстречу вышел высокий представительный мужчина в военной форме:

– Аглая Сергеевна, рады приветствовать вас на нашей базе! Капитан Синицин! – представился он как положено, и я устало улыбнулась.

– Добрый день, товарищ капитан!

В этот раз мне выделили комнату в крыле, где жили только женщины. Я скинула сумку, взяла мыльные принадлежности, широкое полотенце и отправилась в душевую, хотелось ополоснуться и отдохнуть с дороги.

Рабочие будни начнутся только завтра: обход больных с раннего утра, ознакомление с историями болезней, и многое-многое другое.

А сейчас у меня есть время, чтобы собраться с мыслями и настроиться на новое место.

Глава 2

– Я тебя не брошу! – орала я, таща капитана Синицина прочь из ада, творящегося вокруг. Пот струился градом, застилая глаза; было тяжело, но я терпела. Руки отваливались, ноги вязли в мокрой земле: до нападения на базу три дня подряд шёл проливной дождь; откуда брались силы – мне неизвестно, я просто ставила микрозадачу – добраться до вон того ящика, затем пару секунд передышки и потом новая цель.

Мне оставалась последняя неделя пребывания на военной базе, и я уже потихоньку собирала вещи. Но, как говорится, человек предполагает, Бог располагает. Нападение произошло в одиннадцатом часу ночи.

Закончив дела, я, как обычно, собралась к себе и Иван галантно предложил меня проводить. Он вообще весь месяц оказывал мне недвусмысленные знаки внимания... но сердце моё не дрогнуло и общалась я с ним просто, как с другом. Первая автоматная очередь и взрыв произошли, когда мы были на полпути к основному зданию...

– Брось меня... – просипел капитан и тонкая струйка крови вытекла из уголка губ.

Сейчас я никак не могла ему помочь, явно внутреннее кровотечение, скорее всего задеты лёгкие или желудок, да всякое может быть! Опустившись рядом с ним на колени, сжала ледяную ладонь мужчины:

– Ваня...

– Я всё... не мо...гу дыша... – прошептал он и взгляд его остановился, отблески выстрелов и взрывы гранат отразились в них прощальным блеском...

Не успела я прикрыть ему веки, как яркая вспышка и оглушительный взрыв произошёл прямо передо мной, страшная огненная боль опалила нутро... я кричала так, как никогда в жизни... тысячи раскалённых игл прошли тело, застревая во внутренних органах.

Мучение было бесконечно долгим, но и закончилось оно также неожиданно, как и наступило, и, наконец-то, меня поглотила тьма....

Кто-то истошно вопил совсем рядом, я досадливо поморщилась: неужели кого-то привезли с сильным ранением? Хотела было вскочить и лететь на помощь, но тут меня словно что-то толкнуло в грудь и дыхание спёрло, выбивая горькие слёзы – я всё вспомнила! И боль от разорвавшейся рядом гранаты, и смерть друга, и свою мучительную гибель.

– Ааа! – снова раздалось поблизости и мне пришлось разлепить свинцовые веки.

Первое, что я увидела это стальное тяжёлое небо над головой и безжизненно обвисшие серые паруса на фок-мачте (если правильно помню). Судя по едва заметному силуэту солнца, спрятавшемуся за плотные тучи, уже было где-то пять вечера, но уверенности в этом я не чувствовала.

Нереальности всему происходящему придавали своеобразные звуки, доносившиеся из другой части корабля: скрежет стали, чьи-то маты и отрывистые команды. И всё это перекрывалось пронзительным воем, источник которого точно находился недалеко от меня.

Захотелось разобраться в происходящем. Сцепив зубы, медленно повернула голову направо, едва не стошнило горькой желчью, подкатившей к горлу; с тихим натужным стоном заставила себя сглотнуть её назад, только ненадолго меняхватило: мой взгляд наткнулся на стеклянные, безжизненные глаза незнакомки, и меня всё равно вырвало.

На остатках воли я хотела было отползти от бедняжки, но следующее потрясение случилось тут же, вой, что всё это время звучал фоном, резко оборвался и я нашла в себе силы посмотреть в ту сторону: за ящиками, хаотично сваленными в кучу, кто-то шевельнулся, а пару секунд спустя из-за них вышел мужчина, небрежно отряхиваясь и завязывая верёвку, что, по всей видимости, должна была держать штаны на месте.

Мне было очень худо, но я всё равно заметила, с каким довольством тот облизнулся, глядя на меня:

– Очнулась? А я знал, что не сильно тебя приложил, развлекаться с девкой в сознании гораздо приятнее, нежели с бесчувственным телом, – чуть шепелявя произнёс он и смачно сплюнул на пол, грязно растянув тонкие змеиные губы, продемонстрировал щербатый, местами беззубый рот.

Я всё ещё не верила, что осталась жива, но перспектива быть изнасилованной этим уродом – пугала. Даже если это всего лишь очень реалистичный кошмар, я не позволю ему надругаться надо мной!

Насвистывая явно похабную песенку, чуть вразвалочку, мужик шагнул в мою сторону. Судорожно зашарила руками по бокам, одновременно стараясь отползти от него, как можно дальше, вот только тело не слушалось меня и как будто никогда мне не принадлежало.

– Какая цыпочка! – ещё шире ухмыльнулся он, – Щербатый Сэм отменный любовник, поверь мне, орать от удовольствия будешь так, что услышат на краю земли.

– Пшёл в ад! Говнюк, – просипела, чувствуя, как дрожат губы и чуть потряхивает всё нутро, и тут же мои пальцы нащупали длинную щепку, – я тебе такое удовольствие доставлю – вовек не забудешь, – пообещала я, и пусть мой голос срывался, и я страшно трусила, но была уверена – один точный удар в сонную артерию и ему конец.

– Люблю строптивых! – развеселился насильник и кинулся на меня так неожиданно, что у меня на мгновение спёрло дыхание и потемнело в глазах. – Сейчас, крошка, я тебе покажу свой жезл, ты будешь счастлива...

Опомнившись, принялась извиваться, и шарить ладонью в поисках потерянной щепки.

Но не успела я пустить своё оружие в дело, как что-то оторвало дурно пахнущего щербатого и его тело с грохотом влетело в те самые деревянные ящики. Тут же полный ярости голос взревел:

– Вшивый пёс! Вздёрну на рее! – рычал мужчина с ярко-чёрной бородой, а я дрожащими руками схватилась за какой-то висящий над головой канат и, поднапрягшись, подтянула непослушное тело вверх, принимая сидячее положение. Устало прислонилась к деревянному борту, смахнула с глаз слёзы и утёрла сопли тыльной стороной ладони. Только после этого, чуть успокоившись, уставилась на спасителя и тут же испугалась ещё сильнее: этот человек выглядел гораздо опаснее мерзкого Сэма.

– Ты двух девок уже прикончил! – продолжал распалаться тот, – каждая из них на вес золота! – тут он бросил взгляд на меня и зло сплюнул на грязную палубу, – тощая какая! – шаг ко мне, шершавые ладони больно схватили за подбородок и грубо вздёрнули голову вверх, холодные, рыбы глаза пробежались по моему лицу, оценивая внешность, по тому, как презрительно скривились губы чернобородого, можно было понять насколько ему не понравилось увиденное. – Некрасивая, но точно из благородных. Кожа нежная, руки, – противные пальцы убралась с моего подбородка и схватили дрожащие ладони, – руки ухоженные, такие никогда ничего тяжелее нитки с иголкой не держали и платье из отличной ткани. Как тебя зовут? – резко спросил он меня, выпрямляясь и делая шаг назад.

Его дружок, тихо поскуливая, продолжал лежать на деревянных обломках. Я же выдержала неприятный взгляд чернобородого и гордо промолчала.

– Молчишь, – хмыкнул тот, – ну молчи. Мне твоё имя без надобности. Всё равно тебе дадут новое. Уведите её! – без перехода крикнул он, отчего я вздрогнула и чуть прикусила язык.

Как появились ещё двое – не заметила, но нутром чувствовала: пока меня не тронут, а, значит, есть время осмотреться и понять, где я. На рай это не похоже, но и на ад не тянет. И это точно не сон.

Меня подхватили под руки и вытащили из проклятого закутка на основную палубу. Картина, представшая моему взору, пугала, но я устала бояться, и просто равнодушно отметила залитую кровью палубу, железистый запах, смешанный с морским и кучу разбросанных тел (кто-то всё ещё был жив и едва заметно шевелился, издавая болезненные стоны); вываленные из вспоротых животов кишки, отдельно лежащие конечности и деловито суетящиеся люди – довершали жуткую сцену.

Слева, очень близко к кораблю, на котором я очнулась, стояло другое судно и пираты, а это были именно они, споро по приставленному мостику, перетаскивали различные предметы.

– Собираем трофеи и уходим! – крикнул тот самый чернобородый, выходя вперёд. – Поторопитесь!

Меня же не слишком вежливо подтолкнули в сторону этого мостика. Тело было всё ещё ватным и я, не удержавшись, свалилась на палубу.

– Какая-то ты болезная, – фыркнул один из приставленных ко мне пиратов, – если б не приказ, скинул бы тебя за борт, – беззлобно проворчал он, подняв меня на руки.

Глава 3

Меня отнесли к люку, ведущему в трюм.

И всё было бы неплохо: никто не посягал на мою честь, не бил и не пытался вздёргнуть на рее. Но... как только крышка грузового люка откинулась на меня дохнуло такой вонью, что голова закружилась!

– Прибыли, ледюшка, – хмыкнул нёсший меня на руках пират, и довольно аккуратно поставил на ноги. – Здесь я с тобой прощаюсь. красотка. Но, ежели что, Стальной Боб к твоим услугам, – и его кривая ухмылочка мне совсем не понравилась.

– Спускайся! – грубо толкнул в спину другой пират, охранявший вход.

Я даже не успела сориентироваться, а уже летела по инерции вниз, на одном дыхании, не переломав себе ноги, чудесным образом преодолела короткую лесенку, в конце едва успела притормозить и не свалиться прямо на грязный, давно немытый пол. Свет, падавший в открытый люк, прекрасно осветил пяточок под ногами.

Огляделась.

В трюме я оказалась не одна: он был полон, даже не так – переполнен людьми. Деталей разглядеть не удалось, резкая смена освещения не позволила узреть детали. Зато с обонянием у меня всё было в полном порядке и запахи здесь царившие, выбили из глаз горькие слёзы и меня снова замутило. Благо желудок уже пуст, хоть с этой стороны не ожидается подлянки.

Тяжелые шаги конвоира, раздавшиеся позади, утвердили в мысли, что и меня прикуют, как всех.

– Сядь сюда, – снова толчок в спину и моё практически невесомое тело улетело в ближайший угол, сидевшие там люди шустро отползли и миновать встречи со стеной не вышло: больно стукнувшись плечом и бедром, я, с едва слышным болезненным шипением, стекла вниз, – не двигайся, – тут же раздалось над головой и мои щиколотки обхватили холодные железные кандалы с тонкой цепочкой, которую вдели в кольцо, торчавшее неподалёку.

Охранник ушёл, а мы остались. Люк закрыли и весь трюм тут же погрузился в полумрак: в щели на потолке пробивался дневной свет и этого вполне хватало, чтобы осмотреться. Вот только у меня перед глазами продолжали плыть разноцветные круги и я, силясь дышать через раз, прикрыла тяжёлые, воспалённые веки, стремясь поскорее пережить наплывающую волнами тошноту и головокружение.

Мне понадобилось двадцать минут, плюс-минус, чтобы справиться с бунтующим организмом. И как только полегчало, я принялась размышлять и делать выводы.

Отрешившись от всего, что меня окружает: от шепотков, прикованных друг к другу людей, от адской вонищи, забивающей мне ноздри и пустой желудок, прилипший к позвоночнику, я принялась рассуждать.

Первое – я умерла от разорвавшейся передо мной гранаты. И каким-то чудом оказалась на борту корабля, на который в свою очередь напали пираты.

Второе – это тело точно не может быть моим: худосочное настолько, что оно скорее принадлежало подростку, нежели зрелой женщине. Руки-веточки, ладошки узкие с длинными пальцами, кожа бледная до синевы, каждую веночку видно. Я своё тело знаю, и оно никогда не было настолько болезненно худым и вялым.

Третье – речь местных. Я всех их прекрасно понимала, и сама говорила неплохо. Язык похож на английский или что-то близкое к нему, но всё же сильно отличавшийся от того, что я знала в своём родном двадцать первом веке. Чувствую, истина где-то посередине. И тело, куда меня занесло, знает не только

этот непонятный английский, но и пару других языков. Вот только я сейчас навряд ли смогу на них говорить, словно что-то мешает.

Вывод из вышеперечисленного не радует: я попаданка в чужое тело, и вполне возможно в другой мир. Хотя, тут бабушка гадала, да надвое сказала: то ли дождь, то ли снег; то ли будет, то ли нет; то есть я могу быть и на Земле, только в другом временном отрезке. Тоже мало приятного.

– Эй! – меня пихнули локтем, я тут же распахнула глаза и уставилась на темнеющий силуэт, это оказалась женщина с длинными грязными волосами, свалывшимися настолько, что часть из них повисла неопрятными толстыми сосульками вдоль лица, – тапки отдай!

Переведя с неё взгляд на свои ноги уставилась на мягкие, непривычного фасона, явно кожаные туфельки на крепкой подошве и только после этого снова посмотрела на женщину.

– А не жирно будет? – набычилась я, готовая порвать тётку голыми руками. Всё что моё я буду защищать до последнего. Один раз я уже умирала, поэтому не страшно.

Хотя нет, я лукавлю – страшно. А вдруг мне больше не дадут третьего шанса? Нет, постараюсь из схватки выйти победительницей!

Не знаю, что повлияло на эту обнаглевшую бабёнку, но она тут же отползла чуть подальше и прошепелявила, пары зубов у неё точно не хватало:

– Ишь, какая краля! Смотри мне, – быстрый взгляд на мою обувь, – помрёшь так или иначе, уж больно худая ты, так заберу у тебя всё равно!

Я промолчала, сил хватало, лишь оскалиться и клацнуть зубами. Вышло впечатляюще и грязнушка отодвинулась от меня максимально далеко, бормоча:

– Блаженная что ли, с такой лучше не связываться, вдруг заразная? – её тут же окружили другие пленники и тихо о чём-то зашептались.

– Не обращай на них внимания, – раздался тихий низкий голос с другой стороны, и я посмотрела в этот раз направо, – не давай себя запугать и, возможно, протянешь до земель эллинов*, а там тебя продадут на невольничьем рынке. Молись, чтобы хозяин попался добрый и богатый.

Я медленно кивнула, благодаря за поддержку. Подтянула ноги под себя и откинулась на стену, снова замирая в неподвижности.

И началось моё непростое путешествие к земле этих самых эллинов. Если честно без понятия кто это такие, название красивое, на эльфов похоже, но попасть в магический мир – это уже совсем фантастика.

За неделю пути, а я считала каждый день с момента попадания в это тело, передумала всякое и даже пришлось дважды защищать свои вещи: ту самую обувь и платье из добротной плотной ткани, что было на мне. И пусть оно было страшно потрёпанным, но хоть прикрывало все стратегически важные места.

О пленниках "заботились". Как мне пояснил мой сосед, сидевший справа – мы живой товар и за нас будут платить хорошие деньги, оттого пираты старались не загубить столь ценный ресурс и дважды в день приносили три больших корыта, наполненных водой, и все имели возможность напиться мерзкой, отдававшей тухлятиной водой.

А вот кормили только раз в день. Кусок черствого непонятно из чего сделанного хлеба или как это называется? Оно было безвкусным, с мелким песком, хрустевшим на зубах. Но мне нужно было выжить, а для этого необходимы силы. И я пила эту воду, ела эту мерзкую еду. Я делала всё, чтобы ещё не раз увидеть солнце!

Нужду справляли в углу с ведром. Его выносили раз в два дня, многие, конечно, гадили под себя, не заботясь об окружающих. Я боялась, что такими темпами вспыхнет какая-нибудь зараза, не хотелось думать о них. Дизентерия, чума и иже с ними – такие мысли гнала прочь и молилась. Торопя корабль скорее причалить хоть куда-нибудь. И теперь я была готова поверить хоть в гномов, хоть в орков – главное, поскорее отсюда выйти.

Ни с кем из "сокамерников" старалась не общаться и не обращать внимания на редкие свары между ними. Кто-то и вовсе, превратившись в животных, сношался

в углу никого не стесняясь. Отвратительно и мерзко. Но это реалии, в которых мне пока придётся существовать.

Единственный человек, с кем я могла обмолвиться парой слов – тот самый сосед справа; как-то хотела спросить об эллинах, но тот пожал плечами и туманно ответил: "сама скоро узнаешь". Задавать вопросы о магии, о земле, о том, какие люди и нелюди её населяют побоялась: сочтут за сумасшедшую и скинут за борт. Лучше буду молча наблюдать и изучать – так надёжнее.

Прим. автора:

*Эллины – самоназвание древних и современных греков с VII века до н. э. Этноним «греки» (др.-греч. ???????, лат. Graeci) происходит из латинского языка и первоначально, по-видимому, относился к одному из племён Северной Греции, что отражено в названии местности Грея в Средней Греции, был воспринят римлянами, вероятно, от колонистов из Греи в Кумах. Римляне перенесли название «греки» на весь народ эллинов. В современном русском языке слово «эллина» обычно используется для обозначения жителей Древней Греции, хотя так себя называют и современные греки.

Глава 4

Губы мои жадно припали к плохо пахнущей воде, но пить хотелось отчаянно. Последние три дня кормили и поили раз в день, как мне сказал сосед справа – Алим, запасы подошли к концу. Значит, будут экономить прежде всего на пленниках. И ещё это хороший знак – вскорости причалим. И это не могло не радовать.

Оторвавшись от грязной чаши, я уступила место другому бедолаге и отползла в свой угол. Не успела устроиться поудобнее, как до нас всех донёсся громкий крик с палубы:

– Земля! – и так проорали несколько раз, словно крикун не верил своим собственным глазам.

Я тут же оживилась и, выпрямив спину, огляделась: люди были так же равнодушны, как и до этого.

– Почему они не радуются? – спросила я Алима, дремавшего неподалёку.

Тот чуть приоткрыл один глаз:

– А чего им радоваться, Аглая, всех нас ждёт невольничий рынок, а в этом нет ничего хорошего.

С ответом я не нашлась и смолкла, прислушиваясь к топоту ног над головой. Пираты кричали что-то друг другу, сложно было разобрать. Но суета передалась и мне, я чувствовала, что этот этап скоро закончится, вся эта грязь, в которой я провела столько бесконечных дней и ночей, – останется в прошлом. Я всё никак не могла поверить, что стану бесправной рабыней, мне казалось, стоит спуститься с корабля на твёрдую землю и судьба обязательно благосклонно подмигнёт! А там уж многое будет зависеть только от меня: врач я, или так, погулять вышла? Думаю, в любом времени, мире – лекари должны быть на хорошем счету.

Успокаивая себя подобными мыслями, я пропустила момент, когда крышка люка с грохотом откинулась и зычный голос проорал:

– Всем встать!

Пришлось подчиниться. Кряхтя, как столетняя старушка от боли в ноющих мышцах и занемевших суставах, поднялась на ноги, оперевшись ладонью о деревянную перекладину.

В трюм спустились два матроса: Рыжий Бо принялся отстёгивать цепи от крюков, а безбородый юнец Крис, всегда таскавший для нас воду, сцеплять цепи друг с другом так, чтобы пленники образовывали тройку и могли двигаться шаг в шаг друг за другом.

– Пошли! – грубо толкнул Рыжий первую тройку и те вяло потянулись вверх по лестнице, прочь из этого гадюшника.

Я же едва дождалась, когда очередь дойдёт до нас. Меня, Алима и ту женщину, что в первый день пыталась отобрать мою обувь, объединили в группу и отправили вслед за другими пленниками.

Морской воздух вышиб из моей груди смрадный дух трюма, и я с наслаждением прикрыла веки, стараясь втянуть в себя, как можно больше живительного пьянящего кислорода. Боже, как мне его не хватало!

– Чего замерли! – окрикнул нас третий конвоир, – а ну ступайте к трапу!

И Алим, став первым, посеменял так быстро, насколько это позволяли скованные цепью ноги, в указанную сторону. Мы спустились по подмостку на вязкий песок и присоединились к первым вышедшим невольникам.

И пока ждали остальных, я, вытянув шею максимально сильно, с любопытством осмотрелась. От порта в сторону города вела широкая насыпная дорога, по которой катили и катили многочисленные экипажи, телеги, конные и иные повозки. Стоял невообразимый шум и гам, но я с жадностью впитывала все эти звуки и радовалась увиденному.

Я оказалась в Греции!

И тому были доказательства: видневшиеся вдали ни с чем несравнимые величественные колонны; одежды местных состояли из ярких тканей, элегантно обёрнутых вокруг тел и красивыми складками спускавшиеся вниз. Женщины хоть и носили более закрытые варианты, нежели мужчины, однако края хитона образовывали довольно смелый по нашим меркам разрез, а именно обнажали бедро и бок. Сверху на каждой горожанке был накинут плащ.

Обалдеть! Я в Греции! По всей видимости Древней! Осталось выяснить земной ли или какой другой?

Но долго восхищаться окружающими красотами мне не дали: грубые окрики пиратов вернули мысли в печальное настоящее. А нерадужное будущее так и вовсе опустило настроение ниже нуля.

Собрав всех пленников, выстроили нас в кривую колонну, и погнали, как стадо баранов, в сторону города. Пришлось быстро-быстро перебирать ногами. И мне было гораздо комфортнее большинства. Я была в обуви. Остальные шли босиком по острым камешкам дороги. Путь был неблизкий и я поморщилась, искренне жалея товарищей по несчастью. Моё же новое тело было всё также слабо, меня чуть шатало и, если бы не сильное плечо Алима, ненавязчиво устроившегося по привычке справа – точно бы упала. Сильная слабость накатывала волнами, но я держалась, сцепив зубы. Глядеть по сторонам на окружающую архитектуру и людей не было ни сил, ни желания. Поскорее бы присесть хоть куда-нибудь.

Благо конвоиры не хлестали плетью, торопя нас шагать быстрее, видать хотели довести товар до места назначения в более-менее презентабельном виде.

Пройдя широко распахнутые ворота, нас погнали направо по широкой улице, мучительно-острые мелкие камешки сменила утрамбованная до каменного состояния земля. Многие аж застонали от облегчения, а я старалась не смотреть на сбитые в кровь ступни пленников.

В городе было также многолюдно, как и на подступах к нему. Крики и отборная ругань неслась со всех сторон.

Нас вели прямо, никуда не сворачивая, пока мы не оказались на широкой скруглённой площади, из-за невысокого роста деталей разглядеть не смогла, но не беда, поскорее бы передышка.

У пиратов оказался свой собственный помост, нас завели за него и позволили передохнуть. Многие тут же повалились на землю и с горькими причитаниями схватились за кровоточащие ссадины. Я тоже времени зря не теряла и попросила Алима подойти к перевернутым объёмным ящикам. Уселась рядом с одним из них, устало привалилась к шершавой поверхности и вытянула гудящие ноги.

– Скоро подтянутся покупатели, – услышала знакомый голос, а потом и увидела капитана пиратов, – сначала сбудем самых никчёмных и страшных, – продолжал он говорить шедшему рядом с ним помощнику, – ту единственную аристократку и учёного араба выставишь в самом конце и ломи цену не стеснясь!

Аристократка – это по всей видимости он обо мне.

– Чужестранку сбудем вельможе Непархосу, он точно будет на торгах, любитель молоденьких...

– Да он и не посмотрит на неё, капитан Боско, – хмыкнул в ответ помощник и ощупал нашу толпу цепким взглядом, я же понижее опустила голову и притворилась спящей. – Больно тощая и бледная.

– Возьмёт, – уверенно ответил Боско, – кожа у неё какая бархатистая, узкие кости. Дети от такой наложницы будут прелесть, как хороши. Всё же голубая кровь – не водица!

Голоса удалились, и я огляделась. Что же, пока придётся плыть по течению, а дальше поглядим, куда меня вынесет.

Продажа живого товара началась через час, если ориентироваться по солнцу, и внутреннему мироощущению.

Первыми вывели на помост мужчин. Вот что интересно: среди пленников не было стариков. Как мне рассказывал Алим, их просто скидывали за борт. Немощные никому не нужны. Детей среди моих невольных попутчиков также не наблюдались, но это не повезло пиратам с наживой, потому что именно маленькие мальчики и девочки приносили наибольшую прибыль.

Меня и Алима выставили последними. На помост я поднялась за арабом и, гордо вскинув голову, оглядела волнующуюся толпу громко переговаривающихся горожан.

Не успела я осознать масштаб катастрофы и проникнуться ужасом происходящего: всё же меня никто и никогда не продавал, как на площадь с громкими криками погонщиков, въехала колесница с весьма колоритным персонажем, взиравшим на всех сверху вниз.

– Это сам этнарх* Менедем! – воскликнули несколько богато одетых жителей неизвестного мне города.

– Но что он здесь забыл?! – вторили другие, а я вгляделась в явно важную персону внимательнее.

Этот этнарх был весьма тучен, по лбу обильно стекал пот, хотя погода стояла вовсе не жаркая. По-весеннему тёплая. Мужчина выглядел лет на пятьдесят, но я могла сильно ошибаться в своих предположениях, откуда-то вспомнилось, что в древности возраст за пятьдесят – это уже глубокий старик. И вообще чудо дожить до столь преклонных лет. Так что, скорее всего, вельможа может быть гораздо моложе.

Он проехался на своей колеснице, управляемой ловким возничим, по кругу и скупил сразу всех "элитных" рабов. К пиратскому возвышению этнарх заглянул напоследок. К нему тут же бросился чернобородый капитан Боско и, низко склонившись, что-то сказал. Как я ни напрягала слух, не смогла разобрать, что именно. Зато чуть позже всё прояснилось, а сам правитель земель, как успел шепнуть мне Алим, под тихий ропот толпы, выехал прочь из невольничьего рынка.

– Этих двоих отвезите в резиденцию уважаемого этнарха Менедема, – громко приказал двум пиратам Боско, – нам сегодня улыбнулась удача, – широко улыбаясь он посмотрел на меня и глумливо подмигнул, – обновляет рабынь для плотских утех. А ты, – капитан пиратов перевёл свои тёмные глаза на Алима, – будешь рассказывать ему заморские сказки. Ха-ха-ха!

Я скрипнула зубами – так и хотелось подойти и врезать со всей силы в эту лоснящуюся довольством морду. Еле сдержалась – всё же жизнь я люблю, дадут ли мне ещё один шанс на перерождение неизвестно, так что не буду рисковать.

Прим. автора:

* Этнарх (др.-греч. ????????, из ?????? – народ и ?????? – правитель) – начальник, правитель этноса, народа. Титул правителя провинции в Древней Греции и Древнем Риме и лицо, носящее этот титул.

Глава 5

Двое крупных пиратов запихнули нас на покрытую вонючей соломой телегу и один из них, запрыгнув на место возничего, подстегнул уставшую от жизни

лошадку. Та, вяло переступив ногами, всё же сделала шаг вперёд. Так и покатили по рыночной площади в сторону распахнутых ворот.

Мы выезжали одними из последних и я, наконец, вопреки страху, давившему на грудь, решила осмотреться.

Город впечатлял. И как люди, имея всего две руки и две ноги смогли построить всё это? Это же сколько труда вложено?

– Как называется этот город? Какие здесь величественные постройки! – негромко и восторженно спросила я Алима, хотя уже и сама догадалась, вспомнив красочные картинки в журналах о путешествиях и программы про другие страны.

Араб сидел по обыкновению очень расслабленно. Сухощавое лицо не выражало ничего, кроме вселенской скуки. Но я знала, что это всего лишь маска и этот человек замечает даже самые немыслимые детали. Умный, осторожный, сторонящийся всех. Мы не стали друзьями, но могли считать друг друга товарищами.

– Это Афины, – начал неспешно говорить Алим, даже чуть приподнялся и повёл рукой, указывая стороны, – был я здесь давно, когда ещё свободным считался человеком, – печально добавил он, но потом, словно что-то вспомнив, нахмурился, но говорить не перестал, – Афины стоят близ моря, как ты уже знаешь, мы по нему сюда приплыли, точнее нас сюда доставили, и на северном берегу Илисса, речки, обыкновенно пересыхающей летом. Невдалеке от северного края течет на плодородной равнине другая речка, Кефисс, – сухой, как ветка палец ткнул в озвученном направлении, – а там, как ты также уже успела заметить, возвышается гора Ликабет. Восточная и северная части Афин, составляющие большую их половину, лежат на равнине, отсюда не видно, но, если судьба будет к тебе благосклонна, ты сможешь прогуляться по городу и прокатиться по его окрестностям, там и посмотришь, – Алим смолк на долгую минуту, а я продолжала крутить головой, пытаюсь охватить всё и сразу, неуёмная душа исследователя требовала пищу для ума. – Юго-западная часть построена на двух грядах холмов, разделенных небольшою ложбиною; передняя гряда идет с севера на юг, задняя, находящаяся к юго-западу от неё, имеет направление, одинаковое с Ликабетом, с северо-востока на юго-запад. Передняя гряда состоит, главным образом, из двух скалистых холмов. Восточный холм её – самое высокое место в целом городе. С трех сторон он поднимается над

равниной крутыми утесами; только с запада можно на него всходить. На его довольно обширной верхней площади стоит цитадель Афин – Акрополь. Отсюда его пока не видно, сейчас выедем на открытую площадку, заметишь. На запад от Акрополя поднимается скалистый холм Ареопага; на восточной окраине этой скалы под открытым небом собирается афинский трибунал, именем которого она и именуется, а под обрывом её восточной окраины, в скалистой ложбине между холмом Ареопага и Акрополем, стоит храм Эвменид, – устало откинувшись на трясущийся бортик, араб прикрыл веки и пробормотал, – Аглая, зачем тебе всё это знать? Жизнь рабов коротка и весьма неприятна. Не думай, что будучи наложницей, тебе всё будет мягко и гладко.

– Я и не думала, – обидно было, что он меня принял за легкомысленную особу, которая не понимает, в какой ситуации оказалась.

– Ничего ты не понимаешь, – покачал он головой, и смолк, явно не желая развивать эту тему.

А мне стало грустно: ведь действительно – всё вокруг настоящее, и эти люди вовсе не актёры, эти стены – не декорации. И пиратский корабль – весьма неприятное место. Неужели выбравшись из вонючего трюма я настолько потеряла голову от мнимой свободы, что забыла, в какое опасное время попала?

У меня новое тело, и оно не привито ни от чего, здесь нет антибиотиков, нет привычных мне лекарств и инструментов, нет банально йода и бинтов. Здесь ничего нет!

На мгновение меня охватила паника, которую с трудом, но удалось подавить. Взяв себя в руки и не дав себе расклеиться, я подумала, что не всё так плохо, как кажется на первый взгляд. У меня нет амнезии, все знания, накопленные человечеством за многие столетия, со мной. Правда, в общем виде, исключая медицинские, но и что-то несложное я тоже могу «придумать». Например, велосипед. И не смешно, вот ни разу! Любой способ выживания в этих условиях для меня будет приемлем.

Наша телега дотелепалась, много слова и не подобрать, до высокой каменной ограды и остановилась у плотно закрытых ворот.

Пират перекинулся парой слов с угрюмыми стражами и наш транспорт пропустили внутрь. Двухэтажное, сложенное из светлого камня здание, часть которого виднелась над забором пару минут назад, теперь предстало передо мной в своей полной и безоговорочной красоте.

Привычных окон не было. Я не знаю откуда взялось знание, но в голове всплыла подсказка- свет в древнегреческие жилища попадал из перистилья через дверные проемы (прим. автора перистиль - окружённое колоннами пространство. В античной архитектуре - прямоугольные в плане двор, сад или площадь, окружённые со всех четырёх сторон крытой колоннадой или отдельными портиками).

Весь внутренний двор был вымощен мраморными плитами, отполированными до блеска десятками ног жителей усадьбы. За домом возвышались деревья, склоняясь кронами во двор. Множество цветочных клумб с еще не расцветшими бутонами должны были вскорости порадовать глаза обитателей дома весенней нежностью.

- Привез? - не очень вежливо окликнул нашего конвоира неизвестно откуда возникший пузатый человечек.

- Как видишь! - с нескрываемой насмешкой ответил пират, - забирай товар. И плати, как уговорено.

- Дай сначала их осмотрят - в тон ему ответил по всей видимости управляющий домом. Одет он был в ярко-желтую хитро задрапированную ткань, длиной до щиколоток. На ногах явно удобные на толстой подошве сандалии. Объёмный серебряный браслет плотно облегал мясистую руку. Вид мужчины имел ухоженный и с лица не сходила чуть высокомерная улыбка.

- А то я знаю вас, морских волков, обманете и глазом не моргнув, - сквозь зубы пробормотал он, но так, чтобы всем было слышно. - Девку эту в те покои к лекарю на осмотр, - добавил он, и к телеге шагнули две высокие служанки в серых хламидах. Одна из них протянула ко мне мозолистую ладонь. Лица обеих ничего не выражали, разве что во взглядах нет-нет, но мелькало презрение, обращенное к толстячку в жёлтом. Быстрые взгляды в его сторону лишь подтвердили мои догадки.

Я не стала противиться и приняла помощь женщины: схватилась за её шершавую ладонь и спустилась с телеги на плиты двора.

– Ты, – тем временем продолжал говорить толстяк, – сказочник, следуй за мной. Тебя тоже проверят. Ожидай! – бросил через плечо, чуть опешившему пирату.

Меня подхватили под руки с двух сторон и чуть ли не по воздуху пронесли к крайнему павильону. Дверь в помещение была открыта нараспашку. Внутри комнаты царил приятный полумрак и свежесть. Пахло какими-то благовониями и чем-то сладковатым. Ненавязчиво, на грани чувств.

– Жди здесь, – сказала одна из конвоирш и вышла вон, вторая скрылась тенью следом за ней. Дверь плотно закрыли. Стало еще темнее.

Кушетка – единственный предмет мебели, разместилась по центру комнаты, в дальнем от входа углу заметила высокую вазу с узнаваемым греческим орнаментом. На полу лежали выцветшие и явно знавшие лучшие времена циновки простого плетения.

Ещё на торговой площади я для себя решила, что нужно спокойно осмотреться. Поэтому сейчас совершенно бесстрашно шагнула к койке и с облегчением на ней растянулась. В этом теле постоянно ныла поясница. По ощущениям похоже на боли от остеохондроза. Увы, я пока не имела возможности посмотреться в зеркало, но, если судить по рукам, то сейчас мне не более семнадцати лет. Есть все шансы, что даже меньше. И откуда в столь юном возрасте проблемы с позвоночником – я могу только догадываться. Но все решаемо. Дайте время, и я возьмусь за себя. Главное не погибнуть раньше.

Не успела я задремать, как услышала шорох открываемой двери, затем шлепки сандалий по полу и ворчливый голос:

– Лежи, лежи, не вставай. Глянем, девица ли ты до сих пор, али успела с кем-то покувыркаться.

Я чуть склонила голову к плечу и столкнулась взглядом с невыносимо голубыми острыми глазами местного лекаря. Его внешний вид и поведение подсказали, с кем именно мне довелось повстречаться.

Глава 6

Местный лекарь выложил на стол какой-то предмет, похожий на неприятного вида щипцы, отдалённо напоминавшее гинекологическое зеркало, только монструознее и нелепее в сотню раз; даже со своего места мне было видно насколько они грязные.

– Не позволю вам провести осмотр при помощи столь неопрятно грязного инструмента, – спокойно сказала я, принимая сидячее положение и крепко сжимая бёдра, – конечно, вы можете приказать охране вам помочь, но у меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Старик всё то время, что я говорила внимательно на меня смотрел, никак не перебивая и сверля холодными прозрачными глазами.

– Хотите знать, почему я против них, – кивок на щипцы. – Всё просто в той грязи, в которой ваш инструмент практически заржавел, живёт множество маленьких животных, способных причинить смертельно опасный вред, если попадёт в тело человека.

– Как докажешь? – мужчина так быстро оказался рядом со мной, что я даже немного испугалась от неожиданности, приткий, однако, несмотря на возраст.

– Я знаю, как создать то, что поможет вам их увидеть. Предмет называется микроскоп.

– Микроскоп, говоришь? – протянул он и больно схватил за подбородок, – откуда такие знания?

– Я не знаю, моя память частично утеряна: во время нападения пиратов меня с сильной приложили об пол. С тех пор многое, как в тумане. Но откуда-то ведаю, что училась у целителя, он передавал мне свои знания и опыт. А микроскоп я придумала сама, пока плыла в пиратском трюме, – начала я вдохновенно врать, главное, верить во всё сказанное самой, потому что то, с какой уверенностью я буду говорить, повлияет на степень доверия других ко всему сказанному, –

почему люди, выпив воды начинают болеть животом? Почему рана, если её не промыть начинает гнить? Может есть кто-то меньше нас, что любит жить в воде или питаться людской плотью? Мне показалось тогда, что я знаю путь, способный помочь ответить на все эти и многие другие вопросы.

Пока я говорила Иринеос сделал от меня шаг назад и внимательно слушал.

- Чем ещё докажешь, что ты училась у лекаря?

- Могу нарисовать сердце, - ответила я, - но сначала прикажите промыть ваш инструмент для осмотра: прокипятить, затем оставить лежать в самом крепком вине, что найдётся в этом доме. И по времени каждый раз выдерживать не менее эйко ле (εἰκοσι λεπτα - двадцать минут, эйко ле - вольное сокращение автора).

- Сделай, - приказал лекарь, замершей за пологом тени.

Человек, вошедший в помещение, оказался совсем юным мальчишкой, от силы лет пятнадцати-семнадцати, почтительно поклонившись старику, бросил на меня любопытный мимолётный взгляд и, взяв щипцы, быстро удалился.

- Рисуй, - не терпящим возражений тоном, обратился ко мне целитель и высыпал из стоявшей в углу урны песок прямо на чисто выметенный пол.

- Сердце состоит из двух предсердий: первых камер на пути притекающей крови, двух желудочков, клапанов между этими камерами и входящих и отходящих от сердца сосудов с клапанами у их начала, - говорила я, рисуя палочкой строение сердца человека. Всё это время старик-лекарь молчал и глаза его горели лихорадочным, исследовательским огнём.

- Ты сведуща, я вижу и слышу это. Незнающий человек не будет знать таких деталей, - намного более уважительнее заговорил он, гипнотизируя получившийся рисунок, - жрецы-асклеиады* внимательно изучали органы усопших, это тайные знания, и тебе они известны, Аглая, - впервые по имени обратился он ко мне. - Ты носишь имя третьей дочери Бога Зевса, и являешься чужестранкой, занимательно, да... Что же, теперь я тебе верю. И именно ты послана мне богами для преодоления последней ступени на пути к величию. Если я визнаю твои знания под пытками, не видать мне третьего Доро (???? -

дар), посему ты сможешь мне добровольно создать придуманный тобой микроскопио, – попытался он выговорить неизвестное ещё в этом мире слово. А за это я помогу тебе избежать встречи с великим этнархом Менедемом. Твоё тело слабо, ему требуется усиленное питание и отдых, энас минас (один месяц), думаю, этого времени хватит для восстановления. Зови меня гиатрос (лекарь) Иринеос, – вдруг представился он, сверкнув голубыми глазами.

Осмотр прошёл быстро, оказалось, что нынешнее тело всё ещё девственно.

– Замечательно, Аглая, это очень хорошо, – кивнул гиатрос Иринеос. – Я найду тебя, когда придёт время и ты подробнее расскажешь мне о микроскопио, – с этими словами лекарь вышел из «смотровой», оставив меня в глубокой задумчивости.

Скучать долго в одиночестве мне не пришлось: за мной пришли те же охранницы и попросили следовать за ними.

Прим. автора:

* Жрецы Асклепия асклеиады занимались лечением больных.

Глава 7

Почему лекарь пошёл мне навстречу? Он ведь мог позвать тех двух дюжих конвоирш и заставить меня говорить. Я не стальной человек и под пытками долго не протяну. Этот гиатрос Иринеос выбил бы из меня нужные ему сведения. Но он этого не сделал, наоборот, послушался чужестранку и приказал обработать инструмент, согласно моим инструкциям. Странно всё это, но объяснение точно есть, только я его не знаю... пока не знаю, но обязательно выясню. Он что-то говорил, что под пытками нельзя... разберусь с этим позже.

Эти мысли я перекачивала в голове, пока шла следом за одной из женщин, вторая, дабы я не натворила глупостей, пристроилась позади. Втроём мы пересекли перистиль и вошли в одну из распахнутых резных дверей.

Как я позже узнала дом этнарха делился на две половины: мужскую и женскую. Вот в женскую меня и привели. Угрюмые охранницы передали меня таким же молчаливым девицам, правда чуть красивее и ухоженнее и одеты они были в ярко-голубые мантии, красиво развевавшиеся при каждом шаге.

– Следуйте за мной, госпожа, – с лёгким поклоном сказала одна из них, а я удивилась.

Госпожа? Я? По всей видимости лекарь уже сделал обо мне заключение и меня определили в новые наложницы местного правителя. А, значит, и статусом я теперь выше простых служанок-рабынь. Отныне я заморская рабыня-наложница. Ну, что же, пусть так. Если Иринеос верен своему слову, то месяц спокойной жизни мне обеспечен. А дальше посмотрим.

Я шла за девушкой и чувствовала, как вокруг пахнет тонкими благовониями, и как "несёт" от меня. Контраст разительный. Неприятно ощущать себя замарашкой. Длинный полутёмный коридор с редкими дверями закончился полукруглой аркой, и только я прошла под ней, как оказалась в большом помещении с самым настоящим бассейном по центру и двумя поменьше по бокам. В воде нежились девушки, некоторые сидели на мягких коврах из светлой шерсти и тихо переговаривались.

Застывшую в проходе меня они тут же заметили и шепотки на мгновение смолкли. Прелестницы уставились на меня немигающими искусно подведёнными глазами. Впервые меня так пристально разглядывали и в этих взглядах я не заметила сочувствия, только любопытство, которое постепенно вытеснило презрение, а пренебрежительно искривившиеся губки подсказали мне, что такому чучелу, как я не место среди таких нимф, как они.

Гордо вскинув голову, я ответила не менее вызывающим взглядом. Все они на одной планке со мной. Ещё не хватало прогибаться и лебезить перед неизвестно кем!

– Сюда, госпожа, – повела рукой девушка и, легко спустившись по короткой лесенке, направилась направо.

Следуя за ней, и стараясь не вслушиваться в достаточно громкие обсуждения моей особы, я, тем не менее, решила осмотреться.

Потолок здесь был гораздо выше, нежели в коридоре, а точнее не совсем потолок, каменные перекладины, на которых свисали развеваемые ветром белоснежные ткани. И ясное голубое небо виднелось в их прорезях. В дождь точно не искупаешься. По всей видимости тут не стали делить на этажи и оставили помещение таким большим и без нормальной крыши. Вдоль бассейнов "бежали" глубокие выемки – точно для отвода "небесных слёз".

Меня провели в самый конец площадки и отворили деревянную дверь. Внутри царил полумрак и было очень душно. В этом помещении крыша была, зато не было окон, чадил масляные лампы, развешанные по стенам.

– Купальня готова, – сопровождающая кивнула на чуть парящий крошечный бассейн в центре, – мы вам поможем.

Не спрашивая разрешения, обе девушки приблизились и споро меня раздели.

Оказывается, какое всё же это счастье просто помыться!

Меня тёрли, скребли, потом снова тёрли и так несколько раз. Маленький бассейн стал серым от грязи, смытой с такого маленького тела.

– Ваши волосы нужно разобрать, – сказала самая говорливая девушка, вторая всё также хранила молчание.

Меня вывели из воды, уложили на тёплую скамью, накрыли серого цвета, но явно чистой, простынёй и принялись перебирать сбившиеся в колтуны локоны. Под тонкими, умелыми руками я со временем погрузилась в полудрёму.

– Госпожа, – меня осторожно потрясли за плечо, – прошу вас в лохань, дабы ополоснуться и смыть мыльный раствор полностью.

Речь девушки была плавной и уверенной. Закралось подозрение, что служанка не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд. И пусть черты лица грубы и некрасивы, но девушку кто-то учил манерам.

– Как вас зовут? – спросила я, усаживаясь в глубокую деревянную ванну.

– Ирина, – ответила всё та же девушка, – а это Поликсена, – кивок на молчаливую, чуть хмурюю напарницу, – у неё отрезали язык, она не может говорить.

Я внимательно посмотрела на Поликсену и хотела было спросить, почему ей отрезали язык, но сдержала любопытство титаническим усилием воли. Пока не время.

Ирина смолкла и продолжила промывать мне волосы тёплой водой, пахнущей травами, приятный едва уловимый аромат ласкал обоняние.

О Боже, как это прекрасно не пахнуть застарелой мочой, потом, грязными телами и крысами. А в трюме пиратского корабля их было предостаточно.

– Благодарю вас, – сказала я от чистого сердца и девушки потупились, щёки зарумянились; им явно было в новинку получать простую благодарность. Это удручало.

Мне помогли правильно обернуться в тунику из тёмно-синей ткани отменного качества, и закрепили концы хитрым узлом над правым плечом. При каждом шаге бедро оголялось чуть ли не до талии и нижнего белья тут не предусматривалось. Вздохнув печально, не стала возмущаться. Не мой дом – не мои правила. От глупых истерик мне точно лучше не станет.

– Пойдёмте, я провожу вас в залу для наложниц благословенного этнарха Менедема, ваше место для сна уже должно быть готово.

– Ведите, – кивнула я, чувствуя небывалую уверенность в своих силах: вот что значит смыть с себя всю накопившуюся за время плавания грязь, от чисто пахнущего тела даже страх перед неизвестностью притупился: сейчас я не где-то, а в определённом месте, мне позволили привести себя в порядок, дадут спальное место и, возможно, даже покормят. На что я очень надеялась. Желудок, привыкший к умеренности в еде, а точнее к её малому количеству, сократился, наверное, до размеров горошины и не вякал, прилипнув к позвоночнику. Так, иногда слегка ныл, но ничего не требовал.

Мы пересекли практически пустой зал с бассейнами, лишь три девушки сидели на мраморных бортиках в чём мать родила и, болтая ножками в голубой воде,

весело переговаривались. При нашем появлении пренебрежительно фыркнули, а одна из них, томно потянувшись, как кошка одним слитным движением поднялась на стройные ножки и преградила нам путь.

– Так-так-так, – протянула она, и медленно обошла меня по кругу, – так вот ты какая заморская прелестница. И что в тебе нашёл наш благословенный этнарх? Кожа да кости, – глумливо пропела девица, снова останавливаясь передо мной. – Знай своё место и будешь жить, поняла? – тихо прошипела мне в лицо нахалка, стараясь по всей видимости нагнать страху.

Я чуть склонила голову к плечу и ответила:

– Если боишься, что привлеку внимание вашего божественного этнарха к своей скромной персоне, то зря стараешься. Всё с точностью да наоборот. Он мне не нужен ни в каком виде, – и, чуть прищёлкнув кончик её хорошенького носа, шагнула в сторону и пошла вперёд.

Девица, явно не ожидавшая подобной наглости, замерла в ступоре, а когда всё же переварила услышанное, и развернулась, чтобы достойно ответить, то нас уже не было поблизости.

– Я главная наложница! И самая любимая! Как ты смеешь мне дерзить?! – крикнула она, даже не делая попытки кинуться вслед за нами.

Сделав вид, что я её не услышала, шагнула в арку и оказалась в тёмном коридоре. Кинула взгляд на идущую рядом Ирину и заметила, как та слегка покачала головой.

– Что? – не выдержала я, чувствуя, что это первый звоночек в череде неприятных событий, которые, по всей видимости, меня здесь ожидают.

– Это госпожа Ирида, она не простит вам такое небрежение к своей персоне. Будьте осторожны, госпожа Аглая. Из-за неё Поликсена потеряла возможность говорить.

Быстро глянув на печальную вторую служанку, поставила мысленно галочку – выяснить при каких обстоятельствах так поступили.

Бесконечный коридор закончился лестницей. Поднялись на второй этаж и вошли в третью дверь по правой стороне.

Большая комната, пол устлан мягким ворсистым тёмно-бардовым ковром, всё видимое пространство заставлено невысокими топчанами, на которых то лежали, то сидели женщины разных возрастов. И было их около дюжины. С пяток детей возрастом от года до пяти лет играли в дальнем от входа углу, за ними присматривали две девушки примерно моего возраста.

- Ваше место, госпожа, - сказала Ирина, пройдя в левый от входа угол и кивнула на неширокий топчан с красным пледом сверху.

- Спасибо, Ирина, - ещё раз поблагодарила я её, девушка искренне улыбнулась и шепнула:

- Попрошу кухонного принести вам немного еды и воды, чтобы вы могли утолить жажду. Обед прошёл и вам полагается терпеть до ужина, но прямого запрета нет, поэтому ожидайте, скоро вас покормят.

Я ещё раз благодарно сжала узкую тёмную ладонь девушки, и та исчезла из залы.

Всё это время я ощущала на себе назойливые взгляды присутствовавших в помещении женщин. И они мне активно не нравились.

Глава 8

Еду мне принёс щуплый мальчишка лет семи-восьми в светлой тунике до колен и плетёных сандалиях на тонкой подошве. Он вошёл в помещение, точно посмотрел в мой угол, встретился со мной взглядом и, едва заметно кивнув, быстро подошёл, поклонился и поставил передо мной поднос, уставленный разной посудой. В глубокую миску (читру) щедро плюхнули кашу из ячменя с тонкими волокнами мяса, на деревянную пластину (дискос) уложили грубого помола хлеб размером с мой кулак, и не забыли про аккуратный глиняный кувшинчик с вытянутым, изогнутым на конце носиком, наполненный явно

местным напитком.

– Госпожа, заберу через эйко ле, – тихо предупредил он меня и поспешил покинуть помещение. На меня итак оглядывались, а с появлением паренька так и вовсе чуть шеи не свернули. Тьфу! Гадюшник.

Но были и нейтральные взгляды, без затаённой ненависти. И вообще, как такое может быть? Они видят меня впервые, а уже невзлюбили до зубовного скрежета. Хотя, может, тут так принято встречать новеньких? Потенциальный конкурент и сразу в штыки? По всей видимости истина где-то рядом.

– Как тебя зовут? – не успела я взять в руки принесённый поздний обед, как ко мне подошла взрослая женщина, остановилась рядом с моим лежаком и вперила негодующий взор на мою тарелку со снедью. Я подняла её недоумевающий взгляд и присмотрелась: женщине было лет пятьдесят плюс-минус, резкие, даже грубоватые черты лица, крупный нос, загнутый книзу, чёрные роскошные волосы, собранные в затейливую причёску, светло-кремовая кожа, за которой явно ухаживают тщательнейшим образом – всё это составляло весьма необычную внешность гречанки. Золотые браслеты на запястьях чуть ли не до локтя – демонстрация статуса, явно эта яркая птичка занимает не последнюю ступеньку в местной иерархии. И даже одежда подчеркивала высокий статус вопрошавшей: светло-зелёное льняное, красиво задрапированное платье богато украшенное по подолу вышивкой из геометрических фигур.

– Аглая, – спокойно ответила я, ожидая, что мне скажут ещё.

– Ты разве не знаешь, Аглая, – насупилась она пуще прежнего, – что для принятия пищи есть специально отведённое для этого время и место. Снедать сидя в общей комнате – не принято.

– Мне сказали, – напряжённо ответила я, потому что моё терпение практически подошло к концу: ещё чуть-чуть и я начну рычать на каждого, кто бросит на меня косой взгляд или скажет хоть одно худое слово, – что это не запрещено. И это не моя прихоть, – решила я всё же не накалять обстановку, мне нужно выпасться, а уж после решу: показывать норы сейчас или чуть обождать, – сам гиятрос Иринеос отдал подобный приказ, – решила чуть слукавить я, пусть сходит к нему и спросит лично.

Женщина, которая даже не представилась, набрала в грудь воздуха с явным намерением наехать на такую невежду, как я, но, услышав имя местного целителя, вдруг резко выдохнула и захлопнула с громким клацанием зубов свой чуть широкий рот.

Так ничего и не ответив, она развернулась и ушла к сбившимся в кучку товаркам. Те дождались женщину и, поглядывая на меня, принялись усиленно зашушукаться.

Пожав плечами, не стала накручивать себя ещё больше, и принялась за всё ещё исходившую паром кашу. Она была очень вкусной. Не сравнить с жижей, что я ела в трюме пиратского корабля. Какой там! Это было божественно! Мясо таяло во рту, а кашка оказалась наваристой и приятно наполнила желудок сытой тяжестью. Хлеб, несмотря на неказистый вид, мне понравился – такие в моём мире и времени любят все фитоняшки и стройнеющие девушки. В кувшинчике оказалось сильно разбавленное вино и оно, в отличие от всего остального, не впечатлило от слова совсем, но за неимением лучшего сгодится то, что есть.

Едва слышно отдуваясь, я оставила поднос с посудой на своём лежаке, а сама пересела на мягкий ковёр и откинулась на прохладную стену; там, где я устроилась пахло несколько странно, но я не стала заострять на этом внимания; зато отсюда было прекрасно видно всё помещение и его обитательницы. Спать хотелось всё сильнее, но нужно дождаться парнишку, пусть заберёт поднос с остатками еды – всё съесть не смогла, желудок сильно сократился и ему нужно время, чтобы снова научиться переваривать нормальные объёмы пищи.

Голова была пуста, мыслей не было, мне ужасно хотелось спать, просто по-человечески выспаться за очень долгое время и в положении лёжа, а не полусидя со сковывающими любое движение цепями.

– Госпожа!

"Сколько буржуев развелось вокруг, и все их кличут «господа»!" – вяло подумала я и продолжила уплывать в объятия Морфея.

– Госпожа! – и кто-то настойчиво потряс меня за плечо, – я пришёл за подносом. И, простите, но вам всё же стоит прилечь на топчан, а не спать вот так... масло, что хранится в аскосе (прим. автора – плоский сосуд округлой формы с ручкой на

носике – применялся для хранения масел и заправки масляных ламп) – дорогое очень, и если вы его прольёте, то наказания будет не избежать.

Вяло разлепив свинцовые веки, посмотрела на хмурое личико мальчика, что принёс мне еду около получаса назад. И поняла, почему он столь встревожен: я практически навалилась на вазу, ранее мной не замеченную из-за усталости, она была небольшой и стояла в углу, неподалёку от моего спального места. И именно этот сосуд издавал тонкий, едва уловимый не очень приятный специфический аромат.

– Спасибо за предупреждение... Как тебя зовут?

– Приам, – ответил он, снова смутившись от простого «спасибо».

– Какое необычное имя! Так вот, Приам, я хотела попросить тебя: передай, пожалуйста, тому, кто готовил эти блюда, что у него золотые руки.

Мальчонка на мгновение ошарашено на меня глядел, но затем отмер и медленно кивнул:

– Я обязательно передам главной поварихе ваши слова, – и быстро добавил, – и, госпожа, прошу вас не благодарите никого из рабов. Нельзя, – понизив голос до едва слышного шёпота, предупредил он меня, – иначе мне дадут десяток плетей, а я не хочу, – мальчик судорожно сглотнул, – старайтесь высыпаться днём, – ещё тише добавил он и я скорее угадала слова по движению его губ, нежели услышала их, – а ночью будьте бдительны, – после сказанного Приам, снова поклонившись, поспешил выйти вон.

Озадаченно проводив его взглядом, я переместилась на свой лежак и растянулась на нём в полный рост. Ох и хорошо же! Но сон не шёл.

Я обдумала только что прозвучавшее предостережение и решила последовать совету Приама; затем мысли перетекли на более глобальную проблему: какой будет моя дальнейшая судьба? Что ждёт меня здесь, в чужом для меня мире, среди всех этих незнакомых людей и их странных традиций? Как мне показать на что способна и какими знаниями обладаю? И показывать ли? Может, местные практикуют сжигание на костре за ересь? Четвертование? Гильотину? Али в клетку к голодному тигру? Фу! Ну фантазия и разыгралась!

Прикрыла глаза и представила, чтобы на всё это сказал мой Алекс, а потом и мама... Слёзы потекли по щекам, она осталась там, на Земле, что с ней? Как она пережила весть о гибели любимой дочери? Одни вопросы и ни одного ответа!

Всевышний, пусть у неё всё будет хорошо и ничего плохого не случится.

"Мамочка, я с тобой! Всегда рядом!" – мысленно воскликнула, надеясь, что до неё дойдёт это сообщение, что она каким-то образом сможет меня почувствовать, возможно, крик моей души долетит до адресата.

Незаметно погрузилась в глубокий сон и снилась мне наша двухкомнатная квартира. Я прошлась по пустым тёмным помещениям в поисках мамы. И в конце заглянула на кухню, где она и оказалась. Моя роднулька одиноко сидела за круглым маленьким столом и заплаканными, опухшими глазами, смотрела в окно на звёзды и яркий полумесяц, красиво серебрившийся на ночном бархатно-бездонном небе.

– Доченька, – шмыгнула она носом, – я хочу верить, что ты попала в какой-то другой мир, как в сказках и спасёшь там много хороших людей. И пусть этот новый мир будет добр к тебе... Ведь всё не может так закончиться...

Она переплела дрожащие пальцы в крепкий замок и едва слышно добавила:

– Люблю тебя, дорогая. Я всегда буду рядом!

Я, чувствуя, как по щекам покатались крупные, отчего-то холодные слёзы, подошла к ней и крепко её обняла. Мама, словно что-то ощутив, воскликнула:

– Аглая? Это ты?!

Но какая-то необъяснимая сила вдруг оторвала меня от неё и утянула через оконное стекло к насмешливо подмигивающей луне...

Проснулась ближе к вечеру от неприятного жжения в центре лба. Резко распахнув глаза, встретила взглядом с той красоткой, что преградила мне путь в купальне. Ирида, вроде так её зовут.

Красотка глядела на меня насмешливо и с чувством полного превосходства. Я же, сделав вид, что мне всё равно, равнодушно перевернулась на другой бок, оказавшись лицом к стене. Злобный шик, донёсшийся в спину, согрел моё самолюбие.

Но долго разлёживаться нам не дали: пришёл незнакомый мне мальчик и пригласил всех на ужин.

Все трапезы проходили на первом этаже и нас позвали на него аккурат к закату солнца. Его лучи окрасили в нежно-розовый узкие прямоугольные окошки, расположенные практически под самым потолком.

Первыми вышли разодетые дамы с золотыми браслетами на руках – все возрастом от пятидесяти до шестидесяти лет; позже я узнала, что они были первыми наложницами, родившими детей этнарху Менедему и следившие за порядком среди молодых. Они также занимались воспитанием подрастающего поколения, тех самых маленьких детишек, что я видела в углу, где те играли в свои непонятные игры.

Всего в этом большом помещении с двумя колоннами от пола до потолка, жило одиннадцать человек, и я двенадцатая.

Я дождалась пока все выйдут, и неспеша последовала за ними, замыкая жиденькую цепочку.

Пристроившись за юной беременной, очень хорошенькой девушкой, задумчиво огляделась: стены коридора украшены красивыми панелями из светлого дерева. Шли медленно, и я смогла рассмотреть вбитые в стены на высоту человеческого роста крюки. Расстояние между ними было приблизительно в пять-семь моих шагов. Пол украшен затейливой мозаикой, детали в полутьме было не разглядеть, но это было что-то геометрическое.

По всей видимости они предназначались для масляных ламп и, словно в подтверждение моей догадки, появилась женщина в тёмно-бардовом балахоне и принялась развешивать лампы на крючья. Они пока не горели, скорее всего это сделают позже, когда полностью стемнеет.

Женскую половину дома (гинекей) мы прошли за десяток минут и спустились вниз, где все наложницы вошли в небольшое по сравнению с комнатой, где они спали (а теперь буду обитать и я), помещение.

Еда была расставлена около невысоких топчанов на низких столиках. Есть мне предстояло лёжа, точнее, возлежав, и не на обычных спальнях ложах, как в комнате наверху, а на особых сиденьях-апоклинтрах (от слова «апоклино» – «разгибаю корпус, спину»). Апоклинтры были сделаны так, чтобы сидящим на них людям практически вообще не нужно было бы двигаться. Пока я крутила головой стараясь всё осмотреть, старшие наложницы заняли все свободные места, улегшись на левую часть тела. И принялись есть просто руками, скидывая объедки прямо на пол. Те, кому не досталось места, сели на деревянные стулья, расположенные у стены.

Оказавшись среди тех, кто помладше, также заняла один из стульчиков и задумалась. Но долго предаваться размышлениям мне не дали: ко мне вдруг обратилась та девушка, что шла передо мной.

– Тебя правда сам гиатрос Иринеос приказал накормить не по времени? – тихо спросила она, блестя чёрными бусинками глаз.

Я пожала плечами, подумав, что могут и проверить, и если местный лекарь скажет, что ничего подобного он не говорил, то достанется не только мне, но и девушкам-рабыням. А им зла я не желала.

– Это хорошо, что ты ему пришлась по душе, значит, они, – едва заметный кивок в сторону старших женщин, среди которых затесалась и Ирида, – не станут тебя сильно изнурять. Побоятся гнева гиатроса Иринеоса. Только ночью не спи, могут попытаться удушить, – и судорожное сглатывание подсказало мне, что ей пришлось подобное издевательство испытать на себе.

Я бросила взгляд на заметно выпирающий живот и спросила:

-носишь ребёнка этнарха?

Было заметно, что девушка весьма удивлена и даже возмущена моим бесцеремонным вопросом, но потом, словно вспомнив что-то, ответила:

- Ты же не местная, и не знаешь наших правил: если бы я изменила своему господину, меня бы лишили жизни, - девушка покачала головой и объявила: - я ношу дитя нашего благословенного этнарха Менедема! Это большая честь для любой из нас. Остался всего энас минас (один месяц), и я увижу своего ребёнка! - она мечтательно прикрыла веки и лицо её приобрело одухотворённое выражение. - Денно и ночью молю Богиню Артемиду (прим. автора: в древнегреческой мифологии вечно юная богиня охоты, богиня женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле, дающая счастье в браке и помощь при родах, позднее богиня Луны (её брат Аполлон был олицетворением Солнца), чтобы это был мальчик.

- Почему? - вырвалось у меня против воли, но было очень интересно узнать.

- Его у меня не заберут, и я смогу видеть своё дитя очень часто. А вот если родится девочка, то её, скорее всего отдадут за большие деньги в другой дом.

- Понятно, - едва сдержавшись, чтобы не поморщиться от раздражения на местные традиции, решила сменить тему, - меня Аглая зовут. А тебя?

- Майя, - представилась девушка и замолчала, продолжая поглаживать живот.

У меня было очень много вопросов, но я решила, что не стоит их задавать первой встречной. Подожду, понаблюдаю, вдруг - это мой человек и получится сдружиться?

- А гиатрос Иринеос, - всё же не выдержала я и, брезгливо поморщившись, отвела взгляд от жадно насыщавшихся старших наложниц, - насколько уважаем?

- Оо, - округлила розовые губки Майя, - он ведь лечит всех обитателей дома, кроме, разве что рабов. Но гиатрос Иринеос хоть и строг, но справедлив, и если раб умирает, то может снизойти до него и помочь.

– Хмм, – скептически хмыкнула я, не понимая, как можно кого-то спасти от смерти в этих условиях? И только было заикнулась спросить о магии, как женщина, что наезжала на меня в общей комнате, с шумом ополоснула руки в поднесённом расторопным мальчигом-рабом тазу и поднялась со своего места со словами:

– Ешьте, младшие сёстры! – величественно распорядилась она, глядя на нас.

После чего неспешно поплыла на выход.

Я перевела взгляд на маленькие столики с полупустыми тарелками. Эти семеро съели большую часть блюд, а нам, насколько я поняла, добавки не полагается. Придётся довольствоваться тем, что осталось.

Подойдя к освободившимся необычным топчанам, я сразу же оценила размах "свинства", учинённого предыдущими едоками. Тихий ужас! Кусочки еды, лужицы вина – всё это некрасиво было размазано по полу, а двое мальчигов-рабов пытались спешно прибраться, вода выдавшими виды тряпками по покрытию.

Качая головой, села на лежак и, скрестив ноги в позу лотоса, оглядела оставшиеся яства.

Благо печёной рыбы осталось достаточно, а мне и этого было довольно, чтобы насытиться.

Рыбка удивила своим вкусом: нежное белое мясо с достаточным количеством соли и отдающее тонким ароматом оливкового масла – буквально таяло во рту. Я с неприкрытым наслаждением принялась уплетать угощение и даже остатки соуса собрала с плоской глиняной тарелки мякишем серого хлеба.

В "столовой" всё это время стояла тишина, на которую я не сразу обратила внимание. А уж когда взглянула на оставшихся пятерых юных наложниц непонимающе подняла брови.

– Ты сидишь неправильно, – решила пояснить Майя их непонимание, – орган, отвечающий за переваривание пищи, находится с этой стороны, ему будет легче

сделать свою работу, если на апоклинтре ты примешь вот такую позу.

И чуть неуклюже из-за живота легла на левый бок*, согнув руку в локте и оперевшись им на специальный выступ лежака.

Пожав плечами, повторила точь-в-точь и мне это положение совсем не понравилось. Как они едят полулёжа? Всё сыпется из пальцев прямо на кушетку и дальше на пол.

Хмм... попробовала и так, и эдак – не понравилось. В итоге села, как удобно и принялась доедать рыбу.

– Ну, что же, – махнула на меня рукой Майя и подтянула к себе тарелку с белым даже на вид рыхлым сыром, – привыкнешь когда-нибудь.

Я не нашлась, что ответить, но решила всё же научиться есть, как принято в местном обществе.

После ужина мы вернулись в общую опочивальню, и я уселась на свой топчан. Снова захотелось спать, но, предупреждённая несколькими людьми, решила прислушаться к их советам и не спать всю ночь.

Время тянулось, как резиновое, иногда я проваливалась в тревожное полусонное состояние и от любого шороха тут же подскакивала. Под утро, изрядно накрученная, с в край вымотанными нервами, всё же решила плюнуть на все предостережения и лечь спать.

Уснула я практически мгновенно и снился мне неизвестный мужчина в боевом шлеме, украшенный характерным гребнем из конских волос. Он что-то настойчиво говорил, глядя мне в глаза, но его слова доносились до меня, словно сквозь вату: невнятно и приглушённо.

Единственное, что я отчётливо запомнила – это цвет его очей. Светло-карие, волнующие и пронзительные, глядящие прямо в душу...

Первая ночь прошла без покушений, но ведь никто не обещал мне, что и дальше будет также тихо и спокойно.

Прим. автора:

* Проводились исследования, результаты которых свидетельствуют, что левосторонняя позиция для сна ослабляет изжогу. Объяснением такого явления служит тот факт, что желудок располагается в левой части организма. Врачи советуют попробовать прилечь на 15 минут на левый бок, если Вы чувствуете изжогу после еды.

Глава 10

Прошло три дня тихой, сытой, относительно спокойной жизни. Никто не пытался меня придушить, отравить или насильничать. И даже ядом в мою сторону плевались не очень часто. В том числе любимая наложница местного царька красавица Ирида.

Моё новое тело отдохнуло, постепенно "идя" к полному выздоровлению, что не могло не радовать: с каждым днём я чувствовала себя всё лучше и бодрее. Перестало постоянно клонить ко сну, исчезла вялость. Мне хотелось больше двигаться, а не заниматься тем, чем тут принято.

Оказалось, что наложницы существуют не только для ночных утех великого и могучего этнарха Менедема. Они также делали определённую, совсем непростую работу. Все мы должны были каждый день прясть, ткать и что-нибудь шить. Результаты трудов уходили на нужды хозяев поместья и, собственно, на нас самих. И я считала сие вполне логичным – никто не будет кормить кого-то просто так. Нужно заслужить.

Все эти правила касались всех наложниц, даже зажавшихся старших. И малышка Майя трудилась наравне с нами, от чего у неё часто ломило поясницу и отекали ноги. Ей бы больше двигаться, а не сидеть скрючившись над пряжей. Но нет, беременность здесь не повод отменять привычный уклад жизни, всё идёт, как должно и ничего не меняется. Кстати, дети, рождённые от наложниц, являлись рабами. Мальчиков оставляли в поместье, а девочек отдавали в другие дома.

Меня же с каждым днём всё сильнее заботил вопрос: обещанного покушения так и не случилось, и мои нервные бдения, когда все вокруг спокойно спят, уже порядком надоели. Надо бы разобраться в чём дело?

Причину сего обстоятельства разъяснила Ирина. В очередной банный день её и Поликсену снова приставили ко мне. И только я села в глубокую лохань, наполненную горячей водой, как сразу же и спросила:

– На меня все эти дни не было совершено ни одного покушения. В чём причина, можешь сказать? – и посмотрела в тёмные умные глаза гречанки.

– В гиатросе Иринеосе, – тут же, не задумываясь, ответила она и сделала многозначительную паузу, после чего тихо добавила, – и в том, что этнарх Менедем всё ещё не позвал вас к себе на смотрины. Обычно он вызывает новую наложницу сразу же, как её проверит лекарь, чтобы, даже если и нельзя с ней возлечь, побеседовать и посмотреть на неё внимательнее.

Последняя фраза мне не слишком понравилась, что значит: "посмотреть внимательнее"? Я же не лошадь на рынке! Хотя, о чём это я? Я давно не на родной Земле, здесь всё иначе и правила иные.

– Понятно, – пробормотала, интересно, что там такое сказал ему старик лекарь, что меня никто не теребит? Весьма интригующе. Ничего не бывает просто так, как бы не пришлось прилично заплатить за столь щедрую услугу.

– Неужели гиатрос Иринеос обладает такой властью, что его все боятся? – спросила я, заинтересованно следя, как Поликсена вылила из пухлого кувшинчика на жёсткую тряпицу какую-то серо-жёлтую жижу, чуть резковато пахнущую, выступавшую здесь в качестве мыла.

– Очень большую, – продолжила тихо говорить Ирина, зачем-то оглянувшись на закрытую дверь банной комнаты, – он лечит нашего этнарха от хворей и продлевает ему жизнь. Помогает ему в обретении мужской силы...

Моё удивление было не наигранным, я всё прекрасно поняла: толстый, одутловатый повелитель местных земель – импотент, и без волшебных травок обойтись никак не может. Ха, ирония и насмешка в одном флаконе: ты всемогущ над судьбами людей, имеешь столько прекрасных наложниц, но не властен над

собственным телом. Я злорадно покривила губы, хотя лично мне этот мужчина пока ничего плохого не сделал. Но чуяло моё сердце – был способен сделать и сделает, как только, так сразу.

– Гиатрос Иринеос очень сведущ в лекарском искусстве, поговаривают, что он уже на последней ступени, ведущей к Доро Богов, – девушка сделала непонятный знак рукой надо лбом: изобразила в воздухе, собранными в пучок пальцами, круг и поставила в центре точку, – и как только Боги признают его мастерство – дадут доро долголетия и силы лечить наложением рук.

– Вот как, – пробормотала я, обдумывая полученную информацию. Это загадочное доро начинало приобретать для меня определённый смысл, и я приблизилась к пониманию заложенного в него значения, что не могло не радовать.

– Что такое доро? – напрямую спросила я и заметила, как изумлённо расширились глаза у обеих прислужниц. Видать об этом факте знают все, и я должна бы знать. Неувязочка вышла, м-да.

– Во время нападения пиратов меня стукнули головой о палубу и теперь многое из того, что знала, как в тумане, – сделав как можно более печальный вид, соврала, не моргнув и глазом.

Поликсена переглянулась с Ириной и твёрдо ей кивнула.

– Поликсена говорит, что верит вам, госпожа, так было с её сестрой, когда она неудачно упала с дерева, – Ирина помолчала немного, явно собираясь с мыслями и заговорила через минуту, в это время её ловкие руки «намылили» мои волосы и принялись умело массировать кожу головы, – доро – особый дар Богов, человек, желающий его получить должен быть лучшим в своём ремесле, и создать что-то необычное, чего раньше не видел наш мир. И тогда Боги снизойдут до мастера, чтобы продлить ему жизнь и подарить новые, невозможные для простого смертного способности. Лекарю, например, возможность лечить одним прикосновением, кузнецу – создавать крепкое оружие, которое никогда не сломается и не заржавеет, воину – небывалую скорость передвижения или сверхсилу, и так во всех видах ремёсел.

Я, глубоко задумавшись, молчала. Получается, если лекарь Иринеос «создаст» с моей помощью микроскоп и Боги зачтут эту поделку, то он получит нечто, что поможет ему возвыситься и стать чуть ли не живым божком? Хмм, есть над чем подумать.

– А почему ступеней несколько?

– Если смертный стал на путь просвещения, ему нужно преодолеть ниспосланные Богами испытания. Время не ограничено, разве что помрётся раньше, – спокойно ответила Ирина, – всякое бывало. И наоборот иногда случается, – заметив на моём лице непонимание, она пояснила, за что я ей была искренне признательна, – среди нас живут дети богов – полубоги, наш этнарх правнук одного такого. Но силы в этнархе Менедеме нет. Его прадед был полубогом и оступился, пойдя против воли Высших, получил наказание – стал простым смертным.

В какой же мир меня закинула судьба-шутница? Какие боги, полубоги и сверхлюди? Что это за мир такой?

– И, вероятно, Медуза тоже есть? – насмешливо и очень тихо фыркнула я, на что получила острый взгляд от Поликсены и утвердительный кивок через секунду.

Ну и дела! Только живых мифических существ мне и не хватало!

Дальше водные процедуры проходили в полной тишине, девочки работали над моим телом: втирали какое-то масло, пахнущее чем-то цветочным, и расчёсывали волосы костяным гребнем. Первое время меня всё это сильно напрягало, но ко всему быстро привыкаешь и я расслабилась, получая непривычное ранее удовольствие от процедуры.

Крики, донёсшиеся из общей купальни с большим бассейном, где я старалась плавать до принятия горячей ванны, чтобы хоть так вернуть телу физическую силу, вырвали меня из неги и я, резко сев на широкой лавке, уставилась на закрытую дверь.

Недолго думая, соскочила с лежанки и бросилась к выходу.

Оказавшись перед бассейном, сразу же заметила толпившихся и гомонящих наложниц, растолкав парочку, уставилась на молодую служанку, лежавшую ничком, и лужица крови растекалась из-под её затылка.

– Ты убила её, Ирида! – воскликнула Елена, одна из старших наложниц.

– Пфе! – повела тонкими плечиками красавица, – она посмела принести мне слишком разбавленное вино! Я всего лишь толкнула её в наказание! Я не виновата, что она такая неуклюжая, поскользнулась на ровном месте и ударилась об угол бассейна.

Я слушала их краем уха, сама же уже сидела рядом с девчушкой и проверяла реакцию зрачков на свет, пульс и общее состояние.

– Эй! Как тебя там? Отойди от усопшей...

Оглянувшись на говорившую, оказавшуюся Иридой, я так на неё посмотрела, что она, кажется, прикусила язык от неожиданности. Ну и поделом.

– Она живая! Ну-ка, вы обе, – ткнула пальцем в ближайших, – быстро перенесите её на лежак! И не трясите! Ирина! – заметила я мелькнувшую за спинами наложниц рабыню, – сухие чистые тряпки, иглу и тонкие нити! Быстро! – рявкнула я так, что все, кто стоял поблизости, синхронно вздрогнули.

Глава 11

Я стояла на коленях около низкой кушетки, на которую положили девушку.

Осмотр показал, что у неё черепно-мозговая травма. Рана была глубокой и всё ещё кровоточила. Мне принесли всё перечисленное, хотя и не должны были этого делать: здесь мой статус чуть выше простой рабыни и ниже всех остальных. Но, видать, уверенность, прозвучавшая в моём голосе и никуда не пропавшая привычка приказывать сделали своё дело – всё запрошенное мигом было предоставлено.

Женщины столпились вокруг меня плотным кольцом и замерли, как сурикаты, не сводя с меня и раненой девочки больших, полных негомого удивления глаз.

А я, постаравшись выкинуть их всех из головы, задумалась, прижав чистое белое полотенце к ране чуть правее затылка.

Итак, что мы имеем? Сильный удар об каменный угол бассейна мог натворить непоправимых дел. А у меня нет ни одного инструмента, могущего помочь выяснить насколько сильно повреждён череп и задеты ли ткани мозга. Если бы мне предложили выбор: стать свободной или занять работающую, но допотопную рентгеновскую установку, то я бы выбрала второе. Человеческая жизнь бесценна.

Черепно-мозговая травма, сотрясение мозга средней или тяжелой степени, возможно, кровоизлияние в мозг.

Вздыхнув обречённо, мысленно покачала головой и осторожно убрала полотенце, кровь немного приостановилась. Подушечками пальцев аккуратно прощупала область вокруг раны.

"Ну же, девочка, пусть всё у тебя будет благополучно! В жизни должна быть справедливость и раз я здесь, то это что-нибудь да значит? – мысленно воззвала я к неизвестно каким силам, – ты должна жить!"

Я посмотрела на безмятежный профиль совсем ещё молодой девчушки, скорее даже подростка, ей от силы было лет пятнадцать, может чуть больше. Тонкая вся, как тростинка, ключицы выпирают так сильно, что, кажется, вот-вот и порвут тонкую кожу. Отогнав ненужные мысли, сосредоточилась на ране и на возможных вариантах решения данной проблемы.

Не знаю, в какой момент это произошло, но вдруг моё зрение расплылось и от неожиданности я едва не упала на пострадавшую. Удержалась неведомо как и ошарашенно проморгалась. Но картинка не уходила.

Пальцы мои буквально прилипли к затылку девушки, и я неизвестно откуда точно поняла, что нужно делать.

Перед моими глазами чётко обозначилось состояние её черепа: перелом основания черепа кровоизлияние в субарахноидальное пространство.

Отверстие нужно делать, мелькнула в голове паническая мысль, но ведь сейчас я могу помочь по-другому? Да, могу и, собравшись с духом, сосредоточилась на лечении (все мысли по поводу проснувшихся сверхъестественных способностей отодвинула на потом – останусь одна, вот тогда и буду удивляться всему произошедшему, а сейчас не время и не место, это шанс спасти жизнь и его нельзя упустить – каждая секунда на счету): медленно выгоняем кровь из субарахноидального пространства, ведём её к открытой ране и выводим. Медленно сращиваю трещины на костях черепа; и только взялась было за открытую рану, как меня выкинуло из непонятного состояния (в котором я знала, что нужно делать и как вести себя с травмой без использования привычных хирургических инструментов), в привычное – никакого рентгеновского зрения и магических всполохов на кончиках пальцах больше не было.

Я сидела с потерянным видом, не понимая, что это такое было?!

– Что здесь происходит?! – раздался грозный окрик и наложницы шарахнулись кто куда, безмолвно разбегаясь в разные стороны, тем самым открывая проход гиатросу Иринеосу.

Тот, поджав брезгливо губы, прошёл мимо них и остановился, нависнув надо мной. На обнажённых женщин лекарь не обратил ни малейшего внимания, оставшись собранным и совершенно равнодушным.

– Что здесь? – старик вцепился полным любопытства взглядом в раненую рабыню, а после посмотрел и на меня, – а, это ты.

– Добрый день, гиатрос Иринеос, – вежливо улыбнулась я, подтянув чуть сползшую простыню повыше, на что целитель едва слышно хмыкнул, – девушку толкнули, она сильно стукнулась головой об каменный угол. Получила черепно-мозговую травму с рассечением кожных покровов. Кровь я остановила, осталось наложить швы на порез и молиться, чтобы девочка выжила.

– Хмм, – нахмурил он кустистые брови, – я обычно не помогаю рабам. Но... хмм... любопытно, однако, – гиатрос подобрал длинные полы белоснежной туники и присел около раненой.

Я внимательно следила за каждым его действием и поэтому не пропустила как он чуть расфокусировал взгляд своих практически выцветших голубых глаз. Зрачки расширились от удивления и Иринеосс мгновенно приложил руку к ране.

– Ты что-то делала? – тихо спросил он меня, и я покачала головой, боясь признаться, мне отчего-то показалось, что сейчас нужно промолчать.

– У неё ничего нет, – вынес вердикт целитель, – никаких повреждений, кроме вот этой раны на коже. Я ещё не получил третью ступень и залечить её руками не могу. Но хотелось бы посмотреть, как это сделаешь ты, что ты там сказала? Наложить швы? Приступай! – повелительно махнул мне рукой этот в высшей степени странный старик и сел на стоящий неподалёку стул. При этом он не сводил с меня острого, даже колючего взгляда холодных умных глаз.

Я чуть помедитировала, и привычно распорядилась, выцепив взглядом Ирину и Поликсену:

– Иголку и нитки принесли? Острый нож? Вино?

– Да, госпожа, всё здесь, – закивала Ирина, подходя ближе и, прежде чем вручить мне поднос, ловко поклонилась гиатросу Иринеосу, выказывая нешуточное почтение старику и его статусу.

Поднос поставили на пол, рядом со мной, я быстро вылила вино из маленького кувшинчика в небольшую продолговатую глиняную чашу и положила туда иголку с ниткой и небольшой с широковатым лезвием нож, благо хоть без ржавчины. И замерла в неподвижности, выжидая определённое время. А мысли крутились вокруг невероятного исцеления юной девушки.

Которая всё ещё не пришла в себя. Но цвет лица и мерное дыхание говорили о том, что она просто глубоко спит.

– Я погрузил рабыню в целебный сон, – вдруг произнёс целитель, да так, словно оказал той невероятную честь подобным поступком, – ушей рану, после её перенесут в комнату для рабов и там она очнётся.

Кивнула, потому что говорить не хотелось, во рту образовалась пустыня: пить хотелось с каждой секундой всё сильнее, но я держалась, стараясь не подавать вида, что мне немного не по себе.

Вынула нож и с особой осторожностью убрала волосы вокруг раны. Затем настал черёд иглы: повертела её в руках и осторожно согнула, стараясь сделать её чуть полукруглой, старик всё это время внимательно следил за каждым моим действием и то, что я сделала естественно не осталось незамеченным: тот сразу же подался вперёд и чуть нахмурил брови.

Атравматической иглы у меня не было, поэтому я импровизировала – деваться всё равно некуда, посему постараемся хотя бы немного упростить себе работу. Далее вдела достаточно крепкую и одновременно тонкую нить в ушко и приступила к работе. Узловой шов накладывается довольно просто: с одной стороны вкалываем иглу, с другой вынимаем, ведём иглу по соответствующему радиусу, делаем узел: один, второй и третий, и обрезаем (для этого я использовала неудобный нож, благо острый, но выбирать не приходилось – работаем с тем, что есть).

Казалось бы, привычная работа, но сейчас она заняла у меня достаточно много времени: руки были непривычны, да и инструменты "радовали" своим неудобством.

Гиатрос Иринеос к концу уже сидел рядом со мной: вытягивать шею ему не понравилось. Дождавшись, когда я отложу иголку и ножик на поднос, поймал мой взгляд и со странной интонацией произнёс:

– Это интересно, – помолчал и вдруг огорошил, – завтра вечером наш благословенный этнарх Менедем вызовет тебя к себе. Исполни всё, что он скажет, – заметив на моём лице неприязненное выражение, которое я не смогла удержать, веско добавил, – я обещал тебе больше времени, но этнарх не желает ждать столь долго. Он хочет новую наложницу. Поэтому будь готова и постарайся ему понравиться. Это очень важно, – тихо добавил он и медленно встал. – Унесите рабыню, – крикнул лекарь и не успела я глазом моргнуть, как к нам подошли две высокие женщины, и, легко подняв кушетку, на которой лежала девочка, направились к выходу.

Гиатрос Иринеос бросил на меня ещё один задумчивый взгляд и отправился следом.

Я же с тихим стоном попыталась встать, но ноги затекли и лежать бы мне в некрасивой позе на полу, если бы не помощь Ирины и Поликсены. Обе женщины успели меня подхватить и помогли добраться до стула, на котором не так давно восседал старик-лекарь.

И пусть и раньше девушки неплохо ко мне относились, но сейчас в их взглядах и поведении, что-то неуловимо изменилось. Ой, что-то точно будет.

Интерлюдия

Гиатрос Иринеос

Эта девчонка Аглая оказалась весьма сведуща в лекарском искусстве. Сегодня Иринеос на деле убедился, что её кто-то обучал и обучал как-то иначе.

Он сшивал раны по-другому, и тот способ, которым воспользовалась новая наложница этнарха, ему весьма приглянулся. Нужно попытаться убедить правителя не трогать её. Есть в девчонке нечто, от чего у самого лекаря волосы на руках становились дыбом.

Нужно время и приблизить её к себе. А для этого необходимо обоснование, так просто даже ему, великому целителю никто не подарит столь красивую иноземку.

Глава 12

Лёжа у себя на кушетке, думала обо всём произошедшем, а чтобы не встречаться со странными взглядами наложниц, явно пытавшихся сделать во мне множество прорех, повернулась к стене, с головой накрывшись тонким пледом.

Итак, я исцелила рану девушки буквально наложением рук. А если вспомнить о том, что мне сказала Ирина, то это, как минимум, высший дар лечить прикосновением – дар местных Богов за выдающиеся достижения. Которых в этом мире у меня нет. Не успела ещё.

Лекарь Иринеос смог просканировать девочку, а это значит, что он – ходячий живой рентген, пусть лечит наложением пока не может.

Как всё сложно-то.

А, может... И тут меня осенило: я из другого мира, весь опыт и знания перенеслись вместе с душой, возможно ли такое, что всё ранее достигнутое засчиталось и здесь?

Вполне. Иного объяснения я просто не нахожу, а это самое очевидное, лежит буквально на поверхности. Посему мне нужно быть вдвойне осторожной. Откуда-то пришло понимание, что пока стоит держать язык за зубами, сейчас у меня нет никаких прав и свобод, меня просто посадят в клетку и будут пользоваться все, кто готов заплатить приличную сумму золотом за лечение. А таких найдётся просто огромное количество.

И я не уверена, а вдруг это была разовая акция? Способности проснулись на адреналине и больше себя не проявят, пока не пройду все ступени к высшему дору? И так может случиться.

Слишком много неизвестных.

Почувствовала сверлящий ненавидящий взгляд в районе затылка, но даже не пошевелилась, чтобы выяснить, кто бы это мог быть. Итак догадываюсь: Ирида. Она смотрела, но ничего не говорила. Вообще все находящиеся в комнате молчали. Если кого-то такая напряжённая тишина и могла бы ввести в ступор, надавить на психику, то точно не на меня. Наоборот, всегда любила безмолвие, так лучше думается.

Рабочий день давно закончился. Все наложницы уже сходили на ужин. Вот ещё, какая странность приключилась: как только старшие из нас поели, как обычно насвинячив, и вышли вон, ко мне подлетели мальчишки-рабы, усадили на чистую

кушетку, вынесли несколько свежих блюд, горячих и одуряюще пахнущих, поставили передо мной и низко поклонились.

Младшие девушки смотрели на всё это представление, приоткрыв рот, но ни одна не сказала и слова против. Я, конечно, удивилась, но не настолько, чтобы отказаться от угощения. Просто предложила им всем присоединиться ко мне. Это удивило молодых женщин ещё больше, чем моя помощь рабыне, впрочем, никто из них не отказался.

Прикрыла веки и попыталась снова просканировать свою собственную руку.

Силилась минут десять, даже пыталась дыхание, как у йогов во время медитации, сделать глубоким и спокойным. Размеренным.

Ни-че-го.

В голове сразу же возник ворох разнообразных практик: начиная от тибетских и заканчивая лечебной дыхательной гимнастикой. Аж руки зачесались попробовать хоть что-нибудь.

Например, принять позу лотоса и попытаться помедитировать. Хороший ведь вариант. Но как-то не хочется делать это на глазах у всего честного народа. Уверена, уже все, кому не лень, обсуждают случай у бассейна. И не всем он пришёлся по душе.

Я выделилась. Веду себя не так, как принято и никто мне пока ничего за это сделать не может. И спасибо за это нужно сказать лекарю Иринеосу.

А ещё завтра ночью меня ждёт знакомство с великим и ужасным этнархом Менедемом. Чего от этой встречи ждать? Как себя вести, если этот мужчина накинется на меня с вполне определёнными намерениями? Однозначно я буду сопротивляться, потому что иначе не смогу.

Вообще по жизни я решаю проблемы по мере поступления. Ещё ведь ничего не произошло. А если дойдёт, то козыри у меня, несомненно, найдутся.

Уверена, доказать знания и у меня при острой необходимости получится.

Как уснула – не заметила. И спала бы я до самого утра, если бы посреди ночи не раздавался пронзительный крик из другого конца комнаты.

Вскочили все. И я в том числе. Заметались наложницы, чтобы зажечь масляные лампы. Через пару минут под натужные крики и всхлипы страдающей, в помещении стало достаточно светло, чтобы мы смогли рассмотреть друг друга.

– Гиатроса Иринеоса срочно зовите! – крикнула Елена, старшая над наложницами.

Сразу несколько женщин сорвались с места и бросились на выход, исчезнув за тонкой дверью.

Я же замерла у себя в углу, обдумывая как поступить. Решила подождать прихода целителя.

Но со своей позиции прекрасно поняла в чём дело: малышка Майя готовилась стать матерью. Но её пронзительный крик мне совсем не понравился, хотя во время родов оно по-всякому бывает.

Снова села на своё место так, чтобы оказаться за тонкой колонной, приняла позу лотоса и уравнивала дыхание. Глаза полуприкрыла, чтобы сосредоточиться на себе.

И стоны Майи мне нисколько в том не мешали. Я когда-то работала и не в таких условиях. И только сосредоточилась, поймала ритм и втянулась в процесс, как дверь с громким стуком распахнулась и в комнату влетела неизвестная мне женщина. Одета в шёлковую светло-бежевую тунику с ремешком под грудью, с накинутым поверх тёмно-коричневым пеплосом (прим. автора: пеплос – большой кусок шерстяной ткани, который оборачивали поверх туники), свободные края пеплоса придавали всему облику строгость и величественность.

К нам пожаловала законная жена этнарха. Об её статусе кричало буквально всё: дорогие одежды, изящные украшения и взгляд.

Эта женщина привыкла повелевать. Мои догадки нашли своё подтверждение секундой позже: все наложницы низко склонили головы.

– Гиатроса Иринеоса нет в поместье, – властным чуть низковатым голосом произнесла она. – Я посмотрю на роженицу сама.

– Это великая честь, прекрасная Василисса! – поприветствовала её Елена.

Я же, чтобы не отсвечивать, тоже встала и тихо замерла за колонной. И только Василисса прошла мимо меня, неся себя с достоинством королевы, я выглянула из-за колонны: уж больно интересно посмотреть, что она будет делать? Неужели тоже целительница? Тогда зачем здесь гитрос Иринеос?

Но оказалось всё просто. Жена этнарха отвечала за всех детей Менедема. Дети – залог крепких связей с иными домами и провинциями.

Осмотрев Маю, Василисса что-то сказала, пришедшим с ней слугам и те быстро вылетели за дверь, после принесли тазы с горячей водой и чистые полотенца.

Сама же хозяйка поместья этнарха, важно поднявшись, посмотрела на Елену и на Каломиру:

– Принимайте роды, – и уселась на принесённый специально для неё стул.

Женщины безропотно подчинились.

В удивлении приподняв брови, пожала плечами и вернулась к своим делам.

Но вот только Майя через час потеряла сознание: явно что-то шло не так и я, отбросив ранее принятое решение – не отсвечивать, вскочила на ноги одним слитным движением и шагнула к толпившимся наложницам.

– Я могу помочь! – перекрикивая весь этот балаган, пробилась вперёд. Странно, что меня раньше не позвали. Хотя, ничего странного нет: роды – это обычное явление.

Наложницы расступились, вдруг стало очень тихо и в этой звенящей тишине суровый голос Василиссы произнёс:

– Кто ты?

– Меня зовут Аглая, я умею врачевать.

Женщина окинула меня холодным, ничего не выражающим взглядом и спросила:

– Так это о тебе так печётся гиагрос Иринеос? – и, не дожидаясь ответа, продолжила, – хорошо. Скажи, что с ней и как это лечить?

Кивнув, подошла к лежавшей на своей кушетке Майе. Простыни, некогда белые, стали коричнево-красными. Кровь продолжала прибывать. Девушка была без сознания.

Осмотрев её как можно тщательнее, пришла к выводу: отслойка плаценты. Надо кесарить. И срочно!

– Нужно резать живот, – объявила я, после моих слов послышался дружный шокированный вздох.

– Слышала о таком способе, – важно кивнула женщина, помолчав немного, приказала, – делай!

– Нож, самый острый, какой найдёте, шёлковые нити, крепкое вино... – начала перечислять я, а сама была полностью согласна с Василиссой: Майя имеет все шансы погибнуть, потому что нет антибиотиков. Зашить матку и рану на животе – это-то я сделаю, а вот дальше – полная неизвестность.

Разве что подключатся мои сверхъестественные способности, но и на это я сильно не рассчитывала.

– Вижу, что опасаясь обвинения в смерти роженицы, – поняв мою задумчивость по-своему, сказала Василисса, – она для меня не так важна, как ребёнок. Так что не опасайся, никто ничего тебе не сделает!

Её слова меня покорили: жизнь наложницы ничего для неё не значит. И мне вдвойне захотелось, чтобы Майя выжила.

Ребёнка вытащила и сноровисто перерезала пуповину.

Перевернула малыша и ударила по попе, тут же по комнате разнёсся полный возмущения крик. Время утекало, но последующие действия были просто необходимы: у меня не было инструментов для проведения аспирационной санации верхних дыхательных путей, посему пришлось всё сделать губами. Брезгливые вздохи сидевших поодаль женщин меня ничуть не смутили: работа такая и её нужно делать, как положено.

- Быстро обернуть в тёплое одеяло, - распорядилась я, протягивая ребёнка.

Отдав младенца, вернулась к лежащей в беспамятстве Майе. Девушка так и не пришла в себя.

Надавив куда следует, чтобы вышел послед, приступила к ушиванию разреза на матке, работала быстро, стараясь не думать, что в этот раз никаких магических способностей не пробудилось. Да и сосредоточиться никак не выходило: впервые всю операцию я провела, используя только нож с коротким, но острым лезвием и собственные пальцы. Сделав последний стежок на коже, перерезала ножиком нить и положила руку на шов, может получится хоть что-нибудь увидеть магическим зрением?

Не получилось.

Не став показывать насколько я расстроилась, повернулась к Василиссе, продолжавшей восседать с видом царицы на деревянном стуле со средней спинкой и не сводившей с меня холодного нечитаемого взгляда.

- Я закончила, пусть ей положат холодную тряпицу на лоб, у Майи жар, необходимо сбить, и почаще меняйте простынь, а всё остальное по воле Богов, - по-местному закончила фразу и устало, чуть пошатнувшись, встала. Меня мгновенно подхватила одна из молоденьких наложниц и подставила плечо, чтобы мне было обо что опереться. Благодарно ей кивнула и добавила, - мне нужно умыться.

– Твоё искусство велико, – вдруг произнесла всё это время молчавшая местная владычица, – Ника, отведи Аглаю в купальни, назначь рабынь, пусть смоят кровавый дух с её тела, – кивнула одной из своих служанок Василисса и отвернулась к Елене намереваясь что-то ей сказать.

– Младенца отнеси кормилице...

Я не стала прислушиваться к её словам: меня подхватили под руки и буквально понесли к выходу из помещения.

Вернулась чистая, благоухающая, каждую мышцу знатно промяли, что повысило градус настроения на одну единичку. Всего на одну, потому что всё это время я очень сильно переживала за Майю. Она ведь так и не очнулась, температура её тела была достаточно высокой. Это тревожило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aylin-lin_/serdce-polemarha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)